

Мавликаев Михаил

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ

18+

ATHANASY

GameStory

Михаил Мавликаев

Athanasys: История болезни

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Мавликаев М.

Athanasys: История болезни / М. Мавликаев — «Издательство АСТ», 2023 — (GameStory)

ISBN 978-5-17-159752-8

Человечество замерло на краю пропасти. Одна вера, один язык, один последний Город, один спокойный и довольный народ – стабильное и мирное существование на грани полного уничтожения. Точный математический расчет ресурсов позволяет удовлетворять потребности каждого гражданина. Но красивая и стройная картина мира начинает рушиться, когда молодой математик Джосайя Кавиани обнаруживает, что числа не складываются: ресурсы берутся словно из воздуха, вопросы остаются без ответов, а Министерства скрывают нечто ужасное.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-159752-8

© Мавликаев М., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Кавиани	8
Глава 1	8
Петер Эстергази	14
Кавиани	16
Глава 2	16
Петер Эстергази	26
Кавиани	28
Глава 3	28
Глава 4	36
Глава 5	47
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Михаил Мавликаев

Athanasys. История болезни

© Текст. Мавликаев Михаил, 2023

© Иллюстрации. Визуальная новелла «Athanasys», 2023

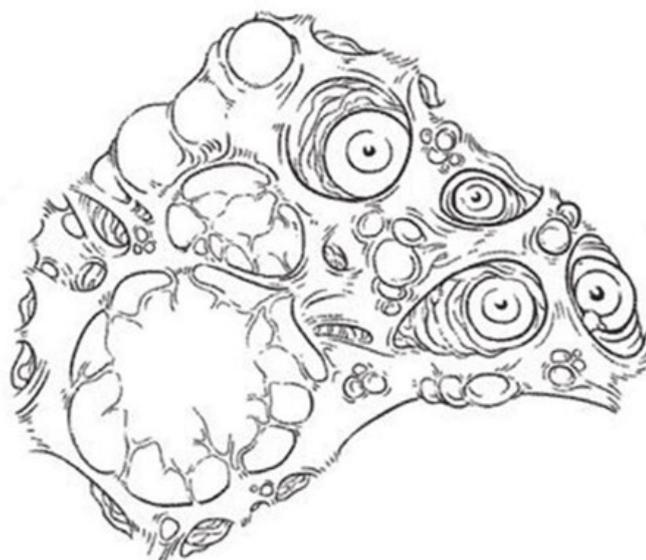
© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2024

* * *

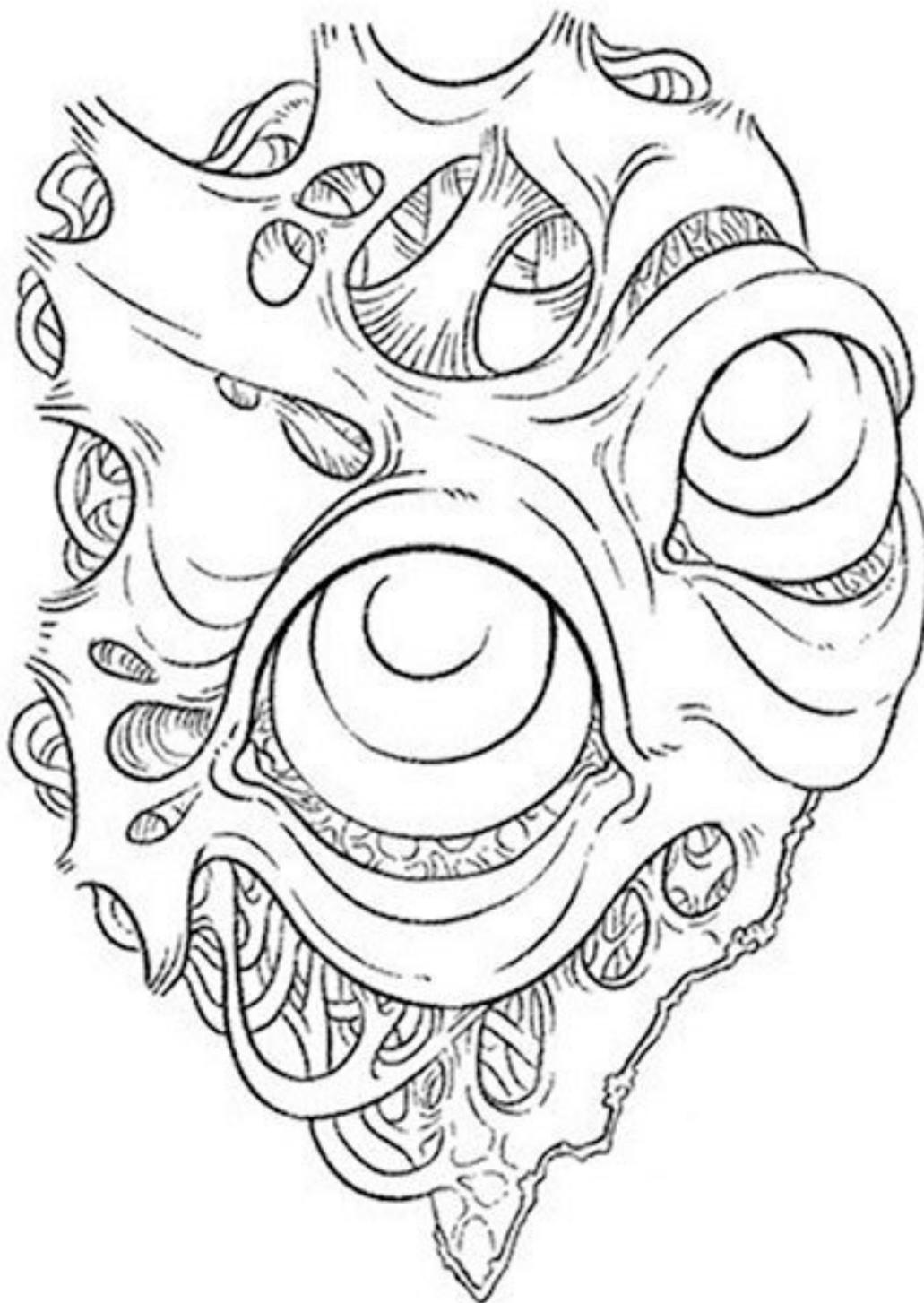
Мавликаев Михаил

A t h a n a s y

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

Кавиани

Глава 1 Новое имя

Лицо женщины скрывал чёрный мешок.

Я всё равно её узнал – по походке, по характерно согбенной фигуре. Соседка по этажу – удивительно старая женщина, лет сорока, не меньше. Наверняка в её возрасте нелегко спускаться по ступенькам подъезда. Особенно с мешком на голове.

К счастью, её поддерживали под руки два человека в масках. Два кланка.

Увидев, кто именно ведёт старушку, я мгновенно отвёл взгляд. У меня нет причин бояться кланков, у меня нет причин... Легко об этом говорить, когда у твоего дома стоит катафалк.

В конце концов, это зрелище должно успокаивать, а не пугать. Город защищает нас от страданий старости, позволяет людям уйти с достоинством. Если её уводят в Храм Нежной Смерти – значит, так решили Машины. Если на допрос – значит, так решили люди.

В обоих случаях это не моё дело.

Если уж на то пошло, сегодня ничто не является моим делом. И вчера. И, может быть, завтра. Тяжело быть безработным в Городе, где каждой детали отведено своё место, своя роль, своё предназначение. Возможно, именно сегодня Машины найдут место и мне. А пока что...

Может быть, рабочая смена Бригитты уже закончилась? Если я прав, то сейчас она сидит на крыше своего дома и пьёт пиво. Я могу пойти к ней – или я могу снова бесцельно шататься по улицам Города в бесплодной попытке убить время.

Выбор несложный.

Отличный день для прогулки, и погода неплохая. В лайтбоксах передают чистое голубое небо и яркое солнце. То самое Синее Небо из нашего прошлого. Пусть фальшивое или даже выдуманное; пусть этот жёлтый круг на экране – и не солнце вовсе, пусть этот театр нужен только для поддержания суточного ритма. Мне всё равно.

Настоящее небо, как обычно, бледно-зелёное и в ячейку из шестиугольников. Вероятность дождя низкая, если коллеги сестры добросовестно выполняют свою работу. Если же случится протечка – что ж, дополнительная порция водорослей мне не повредит.

Высоко над головой, под самым куполом неба, по нитке монорельса ползёт гусеничка министерского поезда. Но я им не завидую...

Нет, конечно же, я им завидую. Даже самый ничтожный из чиновников имеет пропуск туда, куда вход простым Гражданам запрещён. Элитные кварталы, отдельные магазины и спортзалы. Поезд. Последний оставшийся поезд нашего мира.

Но и тут, внизу, есть свои плюсы. У меня есть настоящее Небо в экранах, есть уютные бетонные стены домов: такие серые, шероховатые и уверенно монументальные. Есть свежий воздух из оксидаторов.

Я на ходу расстегнул рукав и подставил голую руку под выдох вентиляции. Невидимый, но упругий поток оставил на коже след из мурашек. Это ощущение завораживает, почти гипнотизирует.

Немногочисленные прохожие игнорируют это маленькое чудо – прикосновение чего-то невидимого. Даже не догадываются о секрете, который находится прямо у них под носом. Тайное знание даровано только такому везунчику, как я.

Как же хочется, чтобы кто-нибудь дотронулся до меня. Кто угодно. Пожалуйста.

Вот эта служащая, бросившая на меня неодобрительный взгляд. Она возвращается с обеда, и проблемы с какой-то оскорбительно свободной деталью ей совсем не нужны.

Или эти мальчишки. Совсем мелкие, пока ещё беззаботные. Если я – деталь, пока что не нашедшая своего места на плате Города, то они – только чертежи, схемы будущих людей.

Смеются. Наверное, надо мной.

Я смутился и резко отступил в сторону от скрытого жерла оксидизатора. В спину толкнуло что-то мягкое и тёплое. Ох, Франк-Спаситель, это девушка. Я врезался прямо в неё, и теперь мне нужно извиняться.

Она поддержала меня под локоть, словно какого-то старца, – лёгкое, но уверенное прикосновение. Именно то, чего я так жаждал.

С ехидной готовностью всплыла перед глазами утренняя сцена: вежливый конвой, сопровождающий отжившую своё женщину на почётную утилизацию. Извинения застряли в горле, тщательно подобранные формулировки вылетели из головы – осталось только с ужасом взирать на девушку, ожидая ругани.

Кажется, она улыбнулась. Кажется, я смог улыбнуться в ответ.

Спортивная сумка ритмично и резко била её по бедру, когда она удалялась от меня. На поверхности моего горящего от стыда мозга клеймом отпечатался образ. Короткие вихры каштановых волос. Голубые глаза. Облегающий комбинезон.

Вторым клеймом загорелось её прикосновение на голой коже локтя. Простое совпадение, случайность – я не успел раскатать рукав обратно после того, как пообщался с оксидизатором. Но теперь эта случайность выглядела настоящим знаком судьбы.

Я почти удивился, не увидев на коже красного пятна. Как ощущение такой силы может не оставлять физических следов?

Интересно, чувствует ли она мой взгляд на спине? Будь я смелее, наверное, попробовал бы с ней заговорить. Будь я смелее...

Но я вечно опаздываю. Улыбаюсь, когда на меня уже не смотрят. Придумываю хорошую шутку, вернувшись с вечеринки домой. Осмеливаюсь дотронуться только в фантазиях.

Бригитта действительно отдыхалась на крыше своего дома. Никто из соседей ещё не вызвал кланков – значит, сестра вернулась со смены недавно. Я как раз вовремя.

Ажурное кресло из биопластика прогнулось под весом Бридж, оттеняя её грузную фигуру своей белизной и хрупкостью. Темнокожая, плечистая, с тяжёлыми локонами медных волос, спадающих ниже плеч, – сестра словно впитала в себя всю жизнь поликулы, оставив мне всё самое ненужное: бледность, беспокойство, бесконечные сомнения.

Я не удержался и фыркнул от собственных мыслей.

– Что-то смешное увидел? – вместо приветствия спросила Бридж.

– Подумал, – я прошёл ко второму креслу и уселся; кресло даже не скрипнуло. – Подумал о том, что ты оставила мне только качества на букву б.

– Э-э... Блупость?

– И это тоже.

– Ха-ха. Лучше бери бпива... Бива?.. Бутылку, во!

Она хлопнула себя по лбу и рассмеялась, явно радуясь тому, что обнаружила ещё одно слово на нужную букву.

Я уставился на предложенную бутылку. В прозрачном пластике плескалась густая, зеленоватая жидкость. Водорослевое. Опять водорослевое. Но отказываться от бесплатного предложения глупо, особенно когда пособия в обрез.

– Спасибо.

Солёный, горьковатый вкус. Забавно – моря тут нет и не было никогда, а водоросли и морская вода есть.

Некоторое время мы посидели молча. Я снова обвёл взглядом привычную панораму Города – циклопические башни Министерств, почти прокалывающие своими вершинами шестиугольную сетку неба; нагромождение бетонных коробочек-домов под ними. Далеко за домами, в светло-зелёной дымке терялась противоположная стена Города – граница нашего мира.

Нитка монорельса приблизилась и превратилась в голый хребет какого-то возмутительно длинного животного. Наверное, отсюда можно помахать чиновникам рукой. Если они соизволят посмотреть вниз.

– Ну как, распределили тебя? – Бридж всё ещё не собиралась тратить усилия на приветствие, и напоминать об этом было уже поздно.

– Представь себе, всё ещё нет.

– Удивительно. Я бы обиделась за своего брата, но, к счастью, мне пофиг.

Она сделала паузу, явно ожидая моей реакции на подколку. Убедившись, что реакции не последует, она продолжила:

– Нет, на самом деле удивительно. Мне казалось, ты там что-то серьёзное ваяешь. Или просто склеил архивные файлы и выдал за свою работу, а?

Эта подколка уже заслуживала ответа. Хотя бы своей несправедливостью.

– Нет! Я без шуток сам написал каждое слово.

– Ну и зря. Меньше бы мучился. Работал бы сейчас уборщиком в одной из башен. А я бы знакомым говорила: у меня брат в министерстве.

– Да ну тебя.

– А чего? Все профессии важны. Старший менеджер по чистоте верхних этажей Джоз... Нет, стой. Тебе новое имя хотя бы выдали?

– В Лотерее Имён-то? Джосайя Кавиани.

Я произнёс взрослое имя вслух и передёрнулся. Всё ещё звучит как чужое.

– Как-как? Павиани?

– Ты прекрасно меня слышала.

– Да ладно тебе, смешно же. Павианы, ну, помнишь? Уроки о животных.

– Такого у нас на уроках точно не было.

Лицо Бригитты внезапно помрачнело. Она уставилась отсутствующим взглядом на бутылку в своих руках, словно увидела в её глубинах что-то неаппетитное.

– Как эти павианы выглядели? – спросил я. Может быть, проявленный интерес вернёт сестре хорошее расположение духа.

– Я не знаю... У нас уже не было картинок.

– Вот видишь. Животного нет. Даже картинки для него нет. Значит, и слово уже не нужно. Машины Любви и Благодати заботятся, чтобы на Священном Сервере не копился лишний мусор.

Слова утешения как будто испортили настроение Бридж ещё больше.

– Джосайя Кавиани, – сердито буркнула она. – Отвратительное имя. Для меня ты всегда будешь Джоз.

– Не сомневаюсь.

– Неправильный ответ. Давай, соберись, прояви немного человеческих эмоций!

Опять она пытается вытрясти из меня какие-то признаки человечности, известные только ей. Ничего не меняется. Неважно, какое взрослое имя я получу, какую должность мне выдадут Машины, каких высот я достигну, принося пользу Городу, – для неё я всегда буду младшим братом. Станным, слабым, слишком заумным, требующим защиты и наставлений.

– Для меня ты всегда будешь Бридж, – неохотно проговорил я. Как будто эти слова нужно произносить вслух.

– Во-о-от.

Явно довольная собой, она прикончила бутылку одним глотком и потянулась за следующей. Нужно увлечь её разговором, иначе так напьётся, что мне придётся тащить её до дома.

– Как дела на работе?

– Забавно, что ты спросил.

Бридж поставила бутылку на столик и заговорщически склонилась ко мне из глубин несчастного кресла. Отлично, сейчас пойдут строительные байки.

– Мы в поте лица печатали партию балок, во славу Машин, ради хлеба насущного, ну, ты понял.

– Угу.

– Завтра всех на купол переводят, поэтому печатали на полную. Шум, дым, экструдер нагрелся так, что термальной головки касаться страшно. И тут...

Она понизила голос и склонилась ещё ближе.

– И тут запахло.

– Запахло?..

– Жареным. Вкусно так. Сначала вкусно, потом гарью.

По спине пробежали мурашки. Мы словно вернулись в детство, когда Бридж рассказывала мне страшные истории про Главкона Поверженного, подвывая вполголоса и размахивая фонариком. Не хватает только палатки из одеяла.

– И что произошло дальше? – задал я обязательный, почти ритуальный вопрос.

– Экструдер забился. Ну, мы остановили, стали смотреть. Отвинчиваю насадку, а из шланга прёт что-то... как будто мясное.

Пиво во рту словно прокисло. Почему именно эта тема? Что за дурацкое совпадение.

– Авария? – предположил я. – Кого-то затионуло в... этот ваш экструдер?

– Не может такого быть. Там и затягиваться-то некуда, до экструдера податчик, а до него только контейнер с материалом. Контейнер запечатанным приходит.

– Значит...

– ...да, значит, это чья-то глупая шутка. Знают ведь, засранцы, что у нашего сектора в этом месяце вегетарианское меню.

Я хотел предположить совсем другое, но теперь высказываться было уже поздно. Ничего нового, ещё одна упущенная возможность. Остаётся только привычно поддаться чужой воле:

– Чувство юмора у вас, работяг, там хромает.

– Когда я узнаю, кто это сделал, хромать будет он. Надеюсь, на новом месте такого не будет.

– На новом месте?

Бридж явно закончила со страшилками на сегодня – она откинулась обратно в кресло, которое тут же закрипело, но в очередной раз выдержало удар судьбы.

– Сидеть в полимерной достало, нос уже запахов не чувствует, – она многозначительно постучала по своему широкому носу, после чего потянулась за отставленной бутылкой. – У нас просчитали новый регенерирующий состав. Наконец купол герметизируем раз и навсегда, не надо будет каждый год подновлять.

Я посмотрел на небо.

Сотни и сотни ячеек, медленно переливающихся каустикой солнечного света, прошедшего сквозь невероятную толщу воды. Моря у нас нет, потому что оно над нами. Для нас реальное Солнце навсегда светло-зелёное.

Это успокаивает – как успокаивает тяжёлое одеяло, низкий потолок, плотно застёгнутая куртка. А теперь мне спокойно вдвойне, ведь следить за состоянием купола будет моя сестра.

Я спросил:

– Значит, не будет больше дождей?

– Каких дождей? Солёных и воняющих водорослями? Ах да, других-то и нет...

Уже изрядно захмелевшая, она пролила немного пива на крышу. Вязкие капли мгновенно впитались в пористый бетон.

Я покатал свою бутылку в руках; она уже успела нагреться, и теперь пиво казалось отвратительно телесным. Словно солёный пот.

История Бридж слишком глупа и надумана, чтобы быть ложью. И от этого становилось только нервнее.

– Слушай... – неуверенно начал я.

– Поняла, поняла, больше пить сегодня не буду. Сама до дома дойду.

– Нет, я не об этом...

Руки покрылись липкой влагой; то ли испарина когда-то прохладной бутылки, то ли бурлящие на душе сомнения наконец прорвались в виде пота на коже. Оставаться спокойным помогало незримое пятно, оставшееся на локте, – тёплый след другого человека.

Если я заслуживаю прикосновения, то я не так уж и плох. Я нормален, я могу говорить о том, что думаю на самом деле.

– Говори уже, – не выдержала Бридж.

– Мне снятся странные сны. Сны... про мясное.

– Жрать хочешь, что ли?

– Нет, не такие. В них я вижу бесформенную плоть, беспорядочную мешанину мышц и органов.

– Просто кошмары.

– Да, но... Эта плоть говорит со мною. Зовёт меня к себе сотней голосов, тянет ко мне сотни рук. Искушает. Говорит всякую ересь.

Бридж выпрямилась, раздула щёки и провозгласила:

– Прощаются тебе твои греховные помыслы, Павиани! Иди с чистой душой во имя Машин Любви и Благодати, святого Триединства и... этого... Главкон его дери...

– Да что ты такое говоришь!.. – я возмутился больше для вида, чем всерьёз. Моя сестра никогда не отличалась крепкой верой.

– Если не нравится, иди к настоящему исповеднику.

– Я... я боюсь, – неожиданно признался я. И тут же понял, что говорю правду. Увиденное утром на выходе из подъезда только укрепило тайный страх: я вполне могу быть еретиком, сам этого не понимая.

– У-у, маленький Джоз боится!.. – сказала Бридж, сопроводив слова увесистым ударом в предплечье. – Сходить с тобой, как в детстве?

– Сходи.

– Серьёзно? Ну ладно. Не сегодня, конечно... Зайди за мной в Управление Горных Дел как-нибудь на днях.

– Тебе бы тоже не помешало сходить к исповеднику.

– Пф-ф... Знаешь, как выглядит мой исповедник?

Она достала из сумки ещё одну бутылку. Внутри медленно перекатывалась серебристо-чёрная смола; она нехотя толкалась в стенки, словно иногда забывая, как быть жидкостью.

Я рефлекторно оглянулся на дверь, ведущую к лестнице. Как будто кланки только и ждут этого момента, чтобы ворваться на крышу и повязать нас обоих. Только поддерживать под руки в этот раз никого не будут.

– Бридж... Это же сома, – я понизил голос, сам не зная, зачем.

– И что? Отшлёпаешь меня? Или вызовешь кланков?

– Выглядит, как ферромагнитная жидкость. Как это вообще можно пить?

– Ну, мы ж не роботы, чтобы ферромагнит пить. Просто коллоидный раствор, суспензия... Чего-то.

– Например, колонии микроорганизмов, – сказал я, покашляв. – Эта дрянь даже выглядит живой.

– Пиво – тоже колония микроорганизмов. Там спиртовые бродильщики... бродят.

Бридж протянула мне две бутылки – одну светло-зелёную, другую неприятно и неестественно черную.

– На, держи. Смешиваешь и пьёшь. Только не переборщи, могут мозги заискрить. Особенно твои, ха-ха.

– Да не буду я.

– Бери-бери! Это подарок на день Финальной Сборки. Новое имя, новая жизнь. Ты взрослый, теперь тебе некого и нечего бояться.

Если я чему-то и научился у сестры, так это тому, что не стоит спорить с пьяным человеком, который собрался тебе что-то подарить. Обида будет смертельной.

Обе бутылки отправились под куртку. Зелёную я смогу выбросить в рециркулятор по пути домой. Чёрную... С чёрной разберусь как-нибудь потом.

– Вот видишь! – сказала Бридж, торжествующе подняв палец. – Сами Машины Любви и Благодати ниспослали...

Снизу раздался резкий стук.

– Сколько можно бубнить! Я сейчас наряд вызову!

Всего лишь сосед.

Пока я успокаивал затрепетавшее сердце, Бридж успела сгрести пустые бутылки в сумку. Кажется, сегодня до своей квартиры она сможет добраться сама.

Внизу, на улицах, Город уже готовился ко сну. Чистое Небо на огромных экранах сменилось на успокаивающую тёмно-синюю тьму; небо реальное помутнело, словно протухло – прозрачная зелень наполнилась коричневым ядом, чтобы к утру очиститься снова.

Прошёл ещё один день – успешно пройден; бездарно потрачен. Стыдно от того, что снова не хватило времени, снова я опоздал, чтобы начать жить. Легко и приятно потому, что можно перестать волноваться, – жизнь со всеми проблемами переносится на завтрашний день. На сегодня время для тревог закончилось.

Ажурные столбы фонарей, когда-то давно отпечатанные коллегами моей сестры, отбрасывали причудливые тени. Между ними скользили тени редких прохожих. Отличное время для ещё одной прогулки; чем больше я пройду, тем легче будет заснуть. Кто-то по вечерам считает бутылки, а кто-то – шаги.

Я поёжился, вспомнив о мерзкой чёрной бутылке, спрятанной под курткой. Чем больше шагов, тем больше шансов нарваться на скучающий патруль.

В чём-то одном Бридж ошибается. Либо во взрослой жизни гораздо больше причин для страха, чем ей кажется, либо я не такой уж и взрослый.

В обоих случаях это не так уж и важно. Люди выдали мне новое имя. Машины дадут новое место в Городе. Может быть, уже сегодня. Может быть, завтра.

Петер Эстергази

27 февраля

Сегодня мне исполняется тридцать семь, и я, как обычно, выпью три стакана палинки перед сном.

Весь день заходили, поздравляли... Под конец рабочего дня зашёл Франк. «Ваши разработки важнее всего, Петер, – сказал он. – AnHup работает по всем направлениям, но наше представляется мне самым перспективным. Не только из-за моего непосредственного управления, но и благодаря Вам, профессор».

«Его непосредственного управления»... Трусливая наглость этого человека невыносима.

Странно, что Леонард зашёл сам. Вполне мог бы обойтись корпоративным письмом, написанным секретаршей.

Пошёл второй стакан. Уже тепло, но ещё не так спокойно. Голос, наверное, дрожит, – сложно сказать. Распознаватель речи наверняка не справляется. Надо будет перечитать с утра.

Сижусь в некотором отдалении, чтобы она не заметила моего взгляда. Боковое зрение женщин лучше развито, но... Нет, я уверен. Если только она не отравила глаза на затылке.

28 февраля

Плечи и спина, как всегда. Природа не создала нас для постоянной работы за столом. Болят ромбовидные мышцы, но это, конечно, иррадиация от ременной мышцы головы.

И что мне дают эти знания? Я не могу вскрыть и подрезать собственную шею. Это бессилие мучительно, но это всего лишь тень настоящего, мучающего меня бессилия.

Снова приходил Франк.

Был, конечно, совсем не такой приветливый, как вчера. Включил обратно свой режим спешки и недовольства. Спасибо, что сдерживался хотя бы в мой день рождения.

Рефрен всех его речей: уже доставили кошек, хорошо бы уже закончить первые программные образцы и распечатать их, чтобы начать тесты. «Распечатать», как же. Он думает, что это так же просто, как напечатать изомальтовый каркас для искусственного сердца или чёрт возьми, кружку!

Сердце нашей лаборатории – вычислительный комплекс для молекулярного моделирования. Результат многолетних разработок в областях супрамолекулярной химии, фотополимеризации наночастиц, биоинформатики.

Но любая достаточно развитая технология становится в глазах обывателя простым инструментом. Щёлкнул выключателем, напечатал партию молекулярных машин и пошёл собирать звонкую монету.

Инструментом или, того хуже, – магией. Вера в науку, только вслушайтесь в само слово: вера. Мне не нужна вера, мне нужно время, финансирование и лаборанты, у которых найдётся хотя бы по одному нейрону на двоих.

Я говорил, говорил Франку об этом. Говорил о том, что его давление совсем не помогает. О том, что после его «мотивирующих речей» мне приходится по десять минут сидеть и молча массировать виски.

Леонард тогда криво усмехнулся и ответил в духе, что да, дескать, он прекрасно понимает, как это всё действует. И даже то, как это действует конкретно на меня. Зато он точно уверен – если усердно напоминать о следующих этапах, то я не отвлекусь на сторонние задачи, не имеющие никакой ценности для AnHup.

Имел наглость намекнуть, что я гоняюсь за Нобелем. Как будто мне нужна какая-то медаль! Он не понимает... Да и как ему понять?

Сказал бы Франк это ребятам из отдела вычислительной биологии. Я слышал, что один из них адаптировал алгоритм Дуба-Гиллесли для генерации джазовых партитур.

Органические нейрокомпьютеры напевают импровизированные мелодии сами себе под нос в тёмных лабораториях... Вот уж у кого времени навалом. Как это приближает нас к прототипу замкнутой экосистемы?

28 февраля (вечер)

Сходил посмотреть на привезённых кошек. Самые разные: полосатые, словно из дворов моего детства, пушистые, вислouxие. Большинство нервничает. Она, как оказывается, как раз их принимала и обустроивала. Я зашёл, когда она их кормила. Так же деловито, как делала всё остальное.

Так же серьёзно и спокойно, словно мы были знакомы не меньше десяти лет, она обратилась ко мне.

И когда этот дневник превратился в записи глупого подростка...

Конечно же, она прочитала моё имя с бейджи. Петер Эстергази, главный конструктор молекулярных машин. Напыщенно и неточно. Мы тут все... конструкторы красного цвета.

«Петер...» – обратилась она ко мне, – это какая-то новая фишка, проводить опыты на кошках, а не на крысах?»

Я объяснил ей, что кошки дешевле обезьян, выносливее крыс и приятнее свиней. Как вам такая научная категория: «приятнее»? Биология свиней настолько близка к человеческой, что выглядит божьей насмешкой. Но начальству свины кажутся омерзительными.

Кажется, свиным нужна хорошая пиар-кампания.

Она спросила, не жалко ли мне котов. Конечно, жаль. Мне всех существ жаль. Начиная с тех, кого я вдыхаю каждую секунду. Или давя каждым своим шагом.

Но ответить так смело я ей не смог. Трус, просто трус.

«Это вынужденно, – ответил я. – АтНип, как и все остальные, заполняет кучу бумаг, оправдывая каждый проведённый эксперимент. Там обычно указывается потенциальная польза для людей... для всего человечества, но и для животных тоже, кстати. Которую можно получить, зарезав небольшое количество кошек. К тому же, эти конкретные кошки, скорее всего, даже останутся жить».

«И хорошая у них будет жизнь?» – спросила она.

Ответил: «Какая уж есть. Нормальная кошачья, я полагаю».

Так же спокойно, словно речь шла о цвете волос, она спросила о моём лице. Если это не секрет, конечно.

Привычные ответы, хоть визитку печатай: «Нет, не секрет. Да, с детства. Это называется нейрофиброматоз».

«Не задалось Вам, док», – просто сказала она.

Так же просто, как всё остальное.

Без опостылевшего сострадания, без всей этой осторожности, проступающей в голосе, во взгляде – словно ты весь одна сплошная мозоль, вокруг которой надо ходить как можно аккуратней. Действительно, куда лучше так – не задалось.

Разглядел её бейдж. Ким. Так и не решился спросить: Кимберли, Кимвэл или что-то более экзотическое. Или даже просто, как взмах рукой, – Ким. Ничего лишнего.

1 марта

Снова Франк. Снова торопит. На этот раз в более аккуратных выражениях. Добрый и злой начальник проекта в одном лице. Качает на качелях, расширяет мою уверенность, как зуб в лунке. Наверняка и тренинги такие существуют.

Тожe постарался отвечать максимально корректно. Будет. Скоро. Работаем.

Кавиани

Глава 2 Не то Министерство

...мы здесь, совсем рядом. Приложи ухо к стене поплотнее, и ты услышишь наши голоса. Постучи в твёрдую поверхность, и ты услышишь стук в ответ.

Плотно упакованы в тесном пространстве – так плотно, что спрессованы кости. Выдох одного тела – это вдох другого. Стук одного сердца входит в ритм многих сердец. Мысли одного разума – это мысли всех нас.

Ты никогда не был одинок. Ты никогда не будешь одинок.

Хочешь ты этого или нет, но мы всегда рядом. По ту сторону тонкой плёнки бетона. Под жалкой кучкой хлама и мусора, лежащего на туго натянутой паутинке стали, – паутинке, которая вот-вот лопнет.

Когда-нибудь стены рухнут. И за ними-и...

...и-и-и...

И-И-И!

Визг будильника высверлил в черепе сквозную дыру.

Вчера, перед сном, я нетрезво приказал Бомануару разбудить меня через семь часов. Тогда это казалось хорошей идеей.

По злой иронии эта идея действительно оказалась хорошей. Липкое от пота тело осознало, что больше я спать не собираюсь, и облегчённо распустило узел мышц, сведённый вокруг сердца. Больше никаких кошмаров о стенах из плоти, говорящих со мной, – по крайней мере, на ближайшие восемнадцать часов. Спасительный крик будильника прогнал вымышленных чудовищ, а единственный голос из стены, которому тут позволено существовать, – это голос Бомануара, моего робо-консьержа.

– Зафиксировано окончание мелатонинового пика в циркадном цикле. Увеличиваю интенсивность сине-зелёного освещения.

Его привычно вежливые слова сегодня казались оскорбительно равнодушными. И злонамеренно громкими.

Рано или поздно придётся открыть глаза. Чем раньше начнёшь день, тем раньше его закончишь.

Всё тот же серый потолок – решётка вентиляции вносит приятное разнообразие. Всё те же светло-зелёные стены. Я не могу дотянуться рукой до противоположной стены – непозволительная роскошь для гражданина, едва получившего взрослое имя. Наверняка сестра подсутилась.

Всё тот же круглый проём окна. Зрачок огромного глаза, жерло гигантской пушки, горловина сосуда, в котором меня заточили.

Да я сам живу в бутылке. А ещё на сестру ругаюсь.

– Доброе утро, господин Кавиани.

– Доброе ут... Чёрт, опять я с тобой разговариваю.

Робо-консьержа трудно назвать бесплотным, но голос, доносящийся сразу отовсюду и, в то же время, ниоткуда, создавал ощущение неосязаемой призрачности. Да, где-то под панелями стен спрятаны колонки, микрофоны и датчики – бесчисленные уши и рты Священного Сервера, распределённые по всему Городу, чтобы каждый гражданин мог поговорить со своим

личным, созданным специально для него, помощником. Но можно ли считать реальной простую марионетку Машин?

С другой стороны, сомневаясь в реальности Бомануара, я сомневаюсь в реальности самих Машин.

За такую ересь на меня даже мешок надевать не будут – вырежут из Города и уволочут вместе с осквернённой комнатой-бутылкой, как выкусывают острогубцами из платы сгоревшую деталь.

В конце концов, разговаривать с Машинами не запрещено. Молитва – это тоже разговор. Я абсолютно нормален.

– За время вашей неактивности получено три сообщения, – негромко проговорил Бомануар. Как будто подслушал мои мысли – или наконец-то уловил остатки вчерашнего этанола в крови.

– Что ж ты молчал? Давай их сюда скорей!

Реклама, проповеди, уведомления домоуправления – что угодно, чтобы заглушить поток дурных и опасных мыслей.

– Письмо от Старшего Исправителя Нойбурга, – консьерж словно выкрутил ручку регулятора занудности на максимум.

– О нет.

– Сегодняшнее чтение по случаю пятнадцатой рядовой шестерицы посвящено посланию Архистратига Михаила к воинствам Безопасности.

– Ох, только не Архистратиг.

– Негативная реакция на чтения будет записана и передана Старшему Исправителю.

– Нет-нет, это я не могу сдержать свой экстаз, понимаешь? О не-е-ет, пресвятые инженеры, да это же чтения, я не могу в это поверить... Продолжай.

Бомануар сделал паузу, как будто действительно принялся размышлять над искренностью моих слов. После чего продолжил:

– И рёк Архистратиг слугам своим: не убоитесь смерти, ибо те, кто уже погиб, положили жизни свои в основание последнего пристанища людского. Так пусть те, кто живы, продолжат жить, а убоявшийся смерти смерть же и получит...

Святые писания лились потоком, омывая измученную дурными снами душу. Наверное, они должны помогать. Но как могут помочь слова, предназначенные ушам сотен людей? Старший Исправитель даже не знает о моей проблеме.

Бригитта права, мне нужно сходить к исповеднику.

– ...провозгласил Франк-Спаситель Архистратигу Михаилу благодарность с занесением в личное дело, и рёк он: время победы пришло. И было это Машиноугодно. Амин.

Я вслушивался в тишину, пока в ушах не зазвенело. После чего осторожно спросил:

– Бомануар, это всё?..

– К сожалению, да.

– Отличное чтение, просто прекрасное. Каждое слово отпечталось на моей...

– В таком случае, не желаете ли пройти небольшой тест по услышанному для оценки общественного мнения?

– Н-нет, спасибо. Не хочу портить послевкусие.

– Я передам вашу высокую оценку Старшему Исправителю.

Конечно, он передаст. Уже передал. Ничего страшного – невнимательность пока что ересь не является. Кажется.

– Хотите ли услышать второе письмо, господин Кавиани?

Никогда бы не подумал, что в равнодушии может быть столько оттенков. Теперь к спокойствию Бомануара добавилась нота безжалостности.

– Почему эти письма не приходят другим способом? – в сотый раз я задал вопрос, на который сам знал ответ.

– Господин Кавиани, Вы прекрасно знаете, насколько ценны бумага и машинное время для экологического баланса Города. Вы задали этот вопрос в пятьдесят восьмой раз.

Ну вот, не в сотый.

Нужно вставать. Нужно умываться, одеваться – сделать хоть что-то, чтобы запустить шестерёнки очередного дня. Время не начнёт двигаться, пока я не сдвинусь с места сам.

К счастью, до раковины буквально рукой подать. Как и до шкафа. И до стола. Математически рассчитанное удобство, дарованное Машинами.

– Второе письмо. Отправитель – Министерство Социального Метаболизма, домоуправление сектора номер два два...

Мозг привычно впал в протрацию; серая морось равнодушных чисел и терминов прокатывалась по его поверхности, не оставляя следа. Я уставился на зубную щётку в руках, пытаюсь вспомнить, почистил я зубы или ещё нет.

– ...извещаем о состоянии водных ресурсов, отпущенных на квартиру по указанному домовладению сектора...

Щётка мокрая. Может быть, я намочил её перед тем, как нанести пасту?..

– ...В данный момент Вам доступно тысяча двести пятьдесят три литра воды. Подписка на пакет услуг водоснабжения обновится...

– Сколько-сколько?!

От услышанного я окончательно проснулся и тут же прикрутил кран. Струйка воды толщиной с зубочистку превратилась в цепочку капель – драгоценное ожерелье, которое мне теперь не по карману. Вопрос чистки зубов резко теряет свою значимость, когда сливаешь в канализацию деньги.

Мне срочно нужна работа.

– Согласно пометке, третье письмо важное, – голос консьержа внезапно прибавил в громкости. Я вздрогнул и приглушённо выругался в полунадетую через голову рубашку:

– Главкон тебя побери, важные письма нужно сообщать первыми!

– Если Вы хотите изменить настройки приоритета писем, Вам следует обратиться в Министерство Алгоритмической Регуляции и Кода с заявлением в двух экземплярах...

– Как я подам заявление, если бумаги нет?!

– Вы можете подать устное заявление на получение бланка в Министерство Социального Метаболизма в указанные часы по...

– Всё, спасибо, отмена, отбой. Читай письмо.

– От Министерства Демографии. Добрый день, господин Кавиани! По получению сего Вам предписывается посетить Министерство, статистический отдел, кабинет один три два четыре. С уважением, Ансельм Диодато.

Я замер, судорожно сжав в руке второй носок.

– Поздравляю, господин Кавиани, – донёсся откуда-то издалека спокойный голос.

Бомануар традиционно не впечатлён. Но почему он меня поздравляет? Он знает что-то, чего не знаю я?

Я до сих пор жду распределения, хотя мой квалификационный проект заслужил особое отличие сразу от нескольких проверяющих. Конечно же, Бомануар об этом знает.

Если я стану чиновником, отпадёт сотня проблем. Не надо будет тянуть от пособия до пособия, экономить ресурсы. Франк-Спаситель, я даже смогу получить доступ к монорельсу!

Я вспомнил, что же на самом деле означает мой проект. Какие числа мне пришлось удалить, на какие подтасовки пойти; насколько невозможные выводы остались в теперь уже удалённых черновиках.

Сердце забилось чаще. Живот скрутило обессиливающим комком мерзкого страха; того самого страха особого сорта, который смешивается с надеждой, и от этого становится только дурнее.

Они приглашают меня для награды или наказания?

– Что-то не так, господин Кавиани?

Нужно успокоиться.

– Закажи мне водорослевого супа. Не хочу отправляться в Министерство на пустой желудок.

От мяса и молока с недавних пор воротило. Осознание того, что продукты синтетические, нисколько не помогало – каждая прожилка и каждое волокно казались живыми. Дурацкие рабочие байки Бригитты только ухудшили аппетит.

Пока Бомануар оформлял заказ, я бросился к зеркалу. Причесал волосы, плеснул водой в лицо, внимательно посмотрел на отражение.

Хмурая, чуть грустная физиономия. Каждый день надеюсь увидеть что-то новое. Каждый день эти надежды разбиваются. Даже пушок над губой не отрастает.

Всё же я взялся за бритву.

– Ваш водорослевый суп, одна порция, поступил в сервис доставки, – консьерж повысил тон голоса, отмечая резкую смену темы. – К Вам посетители, господин Кавиани.

Рука непроизвольно дрогнула; с хрустом рассекаемой кожи лезвие скользнуло по губе. Гель для бритья окрасился багровым.

– Чёртова бритва. Скажи, что я сплю, Бомануар. Рубашку придётся застирывать.

– Вы не спите, господин Кавиани. У визитёра доступ Департамента Заботы и Защиты. Дверь разблокирована.

– Нет, постой!..

Из коридора послышался щелчок двери, а за ним – вкрадчивое кланье полимерной брони. Проклятье, только сейчас мне кланка и не хватало.

Я кое-как стёр с лица кровь, прижал пальцы к порезу и обернулся.

Всё пространство прихожей теперь занимала массивная фигура. Обманчиво тонкие пластины форменных доспехов почти незаметны на фоне чёрного кителя. Бросалась в глаза только белоснежная маска, полностью скрывающая лицо. По глупой случайности или чьему-то злому умыслу этот шлем удивительно походил на голый череп.

Помимо маски взгляд притягивала дубинка. Очень сложно не заметить дубинку, которую кланк сжимал в руке.

По закону им предписывалось отстёгивать оружие от пояса только в случае непосредственной угрозы. Судя по обычному поведению кланков, они находились под непосредственной угрозой постоянно.

Фигура чуть шевельнулась – словно процесс речи требовал от кланка усилий всего тела.

– Младший сержант Драйден! Уполномочен проводить Вас в Министерство. Будьте готовы выдвинуться в течение пяти минут, господин Кавиани.

Его глаза, глубоко запавшие в темных провалах маски, уставились куда-то ниже моего лица. Чёрт, наверняка он смотрит прямо на пятно крови. Какой позор.

– Но я... Мне надо... – сбивчиво ответил я, отступив на шаг назад. Ещё шаг, и я вывалюсь в окно.

– Безотлагательно. Время не ждёт. Вы, главное, не волнуйтесь.

Заживающая губа ужасно чесалась. Через пару минут от пореза не останется и следа, но теперь это уже неважно. Я оглянулся в зеркало, стёр с лица высохшую кровь – она осыпалась в раковину коричневой крошкой. Рубашку переодеть кланк мне не даст.

Глупый, слабый мозг – он пытается защитить меня от страха волнениями о дурацкой рубашке.

– Хорошо. Я готов.

– Приятного аппетита и счастливого пути, господин!.. – склеившиеся невпопад пожелания Бомануара издевательски прозвучали мне вслед. Щелчок двери за спиной обрубил имя, словно квартира больше за мной не числится.

Может быть, так оно и есть.

Катафалка у подъезда не оказалось – хороший знак. Пешая прогулка до Министерства настолько лучше мрачной альтернативы, что я готов идти весь день.

Сержант шёл чуть впереди, не считая нужным оглядываться. Как будто он был уверен, что я не решусь отстать и раствориться в толпе. Это потому, что он считает меня добропорядочным горожанином? Или трусом? Или просто не может представить себе неповиновение?

Скорее всего, ему просто всё равно.

Улицы похожи одна на другую. Кажется, именно тут я останавливался вчера, чтобы почувствовать дыхание вентиляции. Или, может быть, это было вон там.

Интересно, где теперь та девушка?.. Вот будет неловко, если она увидит меня в такой компании.

Дома громоздились детским конструктором, собранным из квартир-бутылок. Огромные зрачки окон пялились мне вслед. Это слепой взгляд – обитатели домов, конечно же, на своих рабочих местах. Их, в отличие от меня, давным-давно встроили в чудесный механизм Города согласно предназначению. Только для меня у Машин Любви и Благодати не нашлось ни роли, ни места.

Кажется, эта ситуация скоро изменится.

Встревоженный мыслями, я невольно ускорил шаг. Кланк словно не заметил этого – он всё так же молча вышагивал впереди, широкими плечами загораживая вид; то ли прикрывал меня от осуждающих взглядов редких случайных прохожих, то ли, наоборот, не давал увидеть цель нашего путешествия.

Во втором случае его попытки совершенно бессильны. Улица впереди расширялась, выходя на просторную площадь между Столпов.

Главная площадь. Единственная площадь. Пространство, которое не перекрыть и сотне кланков. Наверное, здесь могло бы собраться всё оставшееся человечество, но горожане стараются не приходить сюда без особой надобности. Кто-то пугается отсутствия стен. На кого-то давят Столпы.

Шесть Министерств, шесть колонн из бетона и стали, упирающихся в небесные своды. Циклопические башни поддерживают над головой рукотворный, полный водорослей океан; сидящие в башнях люди поддерживают привычный ход вещей.

Вдохновляющее и ободряющее зрелище. По крайней мере, должно быть таким. Но меня эти мысли совсем не утешают.

Нужный нам Столп ничем не отличался от остальных – никаких вывесок или надписей. Широкие двери, которые никто и никогда не открывает настежь. Бесконечные лестничные пролёты, безликие этажи, наполненные одинаковыми дверями.

Единственная примета, по которой удастся выбраться обратно из бетонного лабиринта, – это абстрактные скульптуры; словно застывшие прямо в воздухе подтёки металла, упавшие с самого верха Столпа. Конечно, их, как и всё остальное, напечатали коллеги моей сестры. Но мне нравилось думать, что это следы самих Машин. Древние окаменелости, оставшиеся с самых ранних дней Города, когда бесформенный хаос творения ещё не застыл в твёрдой стабильности.

После долгого, утомительного подъёма на дверях начали появляться четырёхзначные числа. Мы остановились перед подсвеченной табличкой: «Ансельм Диодато, начальник отдела

статистических расчётов». Кланк аккуратно постучал в дверь дубинкой. Я напряг слух, но не услышал в ответ ни звука. По каким-то известным только ему признакам сержант понял, что разрешение получено; он открыл дверь и отступил в сторону, даже не глядя на меня. Этот намеренный жест выглядел почти вежливостью – как будто кланк не хотел лишний раз нервировать человека, входящего в кабинет высокопоставленного чиновника.

За эту почти вежливость я был ему почти благодарен.

Обстановка кабинета скрывалась в полутьме, которую рассекал только яркий экран окна. Вместо Неба или архивных снимков природы экран почему-то демонстрировал древнюю картину: уходящий под землю конус, похожий на воронку Великого Котлована из учебника по истории Города. На ступенчатых концентрических кругах возились крошечные люди.

Я судорожно поморгал, сгоняя вызванные ярким светом слёзы. Постепенно детали обстановки проступили из темноты: аскетично пустое помещение в два раза просторнее моей квартиры; по центру громоздился, под стать кабинету, такой же пустой и огромный стол, обтянутый бежевой синтетической кожей. Его хозяин стоял спиной ко входу и смотрел в настенный экран. Он словно не заметил меня; или, может, проигнорировал.

Неловкая ситуация. Как люди поступают в таких случаях?.. Я огляделся вокруг в поисках предмета, по которому можно постучать; потом решил тихонько покашлять.

Ансельм Диодато развернулся на каблуках и уставился прямо на меня.

– А, господин Кавиани. Наслышан. Насколько я знаю, Ваша квалификационная работа была посвящена замкнутым экосистемам.

Словно на маску кланка натянули серую кожу, прикрыв шов сверху чёрной шапочкой гладких, прилизанных волос. Лицо человека, который привык, что представляться ему нет нужды; человека, который не привык долго ожидать ответа.

– Доброе ут... Кхм, да, я занимался их моделированием, – ответил я, сжав кулак за спиной так, что заболели пальцы. Слушайся меня, предательский, дрожащий голос.

– Я знаю, чем Вы занимались. Я внимательно прочёл Ваш проект. А также просмотрел Вашу директорию.

Как же просто и буднично он сообщил о том, что следил за мной.

– Меня интересует не Ваш текст, а то, чего в нём нет, – сказал Диодато, отвернувшись обратно к экрану; казалось, что картина интересует его больше, чем я. – В представленной работе Вы упустили некоторые детали, которые присутствуют в Ваших черновиках. Почему?

Я почувствовал, как на глаза опять навернулись непрошеные слёзы.

Диодато – явно не тот человек, к которому приглашают, чтобы наградить. Мой обман вскрылся; более того, вскрыт и записан весь процесс подлога. Тщательно подогнанные числа, подобранные под результат формулы, аккуратно «забытые» данные статистики... Всё напрасно. Я пошёл на мелкое мошенничество, чтобы скрыть нечто гораздо более страшное. Но забыл о том, что даже этой мелкой подтасовки хватит, чтобы разрушить мою жизнь.

Неожиданно и неуместно всплыло воспоминание – незнакомая девушка, ободрающе сжимающая мою руку. Это было только вчера. То, что выглядело хорошим предзнаменованием, оказалось последним лучом света перед крушением.

Я просто хотел быть полезным... Просто хотел послужить Городу. Неужели именно эту судьбу для меня выбрали Машины?

Не может быть. Это какая-то ошибка.

– Это просто ошибка, – сказал я куда-то в направлении вычурного стола.

Послышался яростный скрип каблуков.

Впервые с начала разговора Диодато посмотрел прямо мне в глаза. Раньше он выглядел раздражённым, полным едва сдерживаемого отвращения, – словно уставшим от людей. Теперь в чертах его лица проявилось новое, неизвестное чувство.

– Ошибка? Вот так просто?

– Да, господин Диодато. Результаты моего анализа никак не сходились со статистикой Министерств. Значит, я ошибся.

– Комиссию удовлетворили Ваши результаты.

– Я не знаю и не могу знать их мотивов, – с каждым сказанным словом я всё больше и больше укреплялся в своём решении. – Может быть, они сочли, что сам ход мысли достоин оценки независимо от результата.

– Очень смелое заявление. Мне бы Вашу уверенность в себе, господин Кавиани.

На лицо Диодато выползла усмешка, та особая гримаса сорта: «Я издеваюсь, и я знаю, что ты это знаешь».

– Значит, Вы настаиваете на том, – продолжил он, – что все Ваши вычисления не имеют никакого реального смысла? Никакой прикладной пользы?

– Может быть, только как теоретическое упражнение. Разве от выпускников, только прошедших Финальную Сборку, требуется решать существующие проблемы? Это работа Министерств.

Только теперь я смог разглядеть сквозь полутьму кабинета, что за чувство никак не мог скрыть Диодато. Удивление, смешанное с разочарованием.

Почему-то эти эмоции показались хорошим признаком; словно я иду в верном направлении. Значит, нужно продолжать.

– Машины Любви и Благодати не ошибаются. Они больше нас, умнее нас, чище и добродетельнее нас. Ошибки – удел слабых духом белковых...

– Не нужно читать мне проповеди, господин Кавиани. Ваше смирение пред ликом Машин похвально, но это соревнование в благочестии Вам не выиграть.

Внезапно чиновник хлопнул в ладоши. Я не вздрогнул только потому, что и без того находился на грани паники. На испуг уже не хватило сил.

– Что ж, молодой человек, – Диодато отвернулся обратно к экрану, – кажется, Вы пришли не в то Министерство.

На негнущихся ногах я развернулся к двери и слегка отстранённо, оглушённо удивился, не увидев там конвоя кланков с чёрным мешком.

– Сержант Драйден проводит Вас в более подходящее Вам место, – донёсся от стола негромкий голос.

Ах да. На бедного Джосайю даже не будут тратить целый конвой.

Воздух на улице ничем не отличается от кондиционированной атмосферы помещений – та же температура, та же влажность, те же самые раструбы оксидизаторов. Но, вывалившись за двери Министерства Демографии, я вдохнул воображаемую свежесть полной грудью. Лучше надышаться, пока ещё могу.

Что я сделал не так? Что я не так сказал? Я проявил почтение к Машинам, даже сам Диодато отметил моё смирение.

Может быть, даже правильных слов иногда недостаточно.

Пока я варился в мутной смеси охвативших меня чувств, сержант, не сбавляя шага, решительно двинулся через всю площадь. Совсем в другую сторону от Храма Нежной Смерти.

Я тупо переставлял ватные ноги, уставившись в обтянутую чёрной тканью спину. Не нужно было вычислять траекторию движения кланка, чтобы понять, куда он меня ведёт, – прямая линия шла от Министерства Демографии и упиралась в другой Столп.

Снова никакой вывески – только узкий лайтбокс прямо над входом. Сегодня, как и вчера, передают отличную погоду. Солнце и Небо... Такие чистые, такие нереальные, такие недостижимые.

Внутри этот Столп ничем не отличался от Министерства Демографии – точная копия, брат-близнец, отражение в зеркале. Все различия оказались в мелочах. Привычный зеленоватый оттенок биоллюминофора смешивался с красными фильтрами, натянутыми на лампы, и создавал внезапный тёплый оттенок: жёлтый по центру фойе, коричневый по углам, где сгустились тени.

Этот странный и непривычный свет отражался в полированных подтёках абстрактных скульптур, превращая их в слитки чистого золота. Словно само Солнце заглянуло в Столп откуда-то издалека, с самого верха, сквозь купол, сквозь пепел старого мира.

Это ложь. Обман, фальшивка. Но до чего же приятно обманываться.

Идти в этот раз пришлось недолго – числа на дверях кабинетов не успели добраться до тысячи. Сержант Драйден проделал привычный ритуал осторожного постукивания и ожидания, после чего отступил в сторону.

Снова почти пустой кабинет – как будто чиновникам запрещалось иметь мебель. Но на этот раз света было предостаточно.

Я уставился в окно-экран кабинета, потеряв дар речи.

Архивная запись окна затягивала в себя, как бездонный колодец: бесконечные волны уходили к горизонту, такому далёкому, что хотелось кричать от ужаса. Где-то там, далеко, они сливались с Небом старого мира, абсурдно, невозможно ярким и чистым.

– Это... Это океан? – кажется, я сказал это вслух.

– Что? Нет. Это пустыня.

Под окном, посреди кабинета, массивно лежал огромный стол из бетона – лежал, потому что стоять такая чудовищная масса неспособна. Неизвестный создатель пытался создать ощущение камня, может быть, природной скалы. Но получилось у него сотворить только рухнувший обелиск – словно еретическая насмешка над незыблемостью Столпов.

Из-за стола показался небольшой человек. С неожиданной скоростью он метнулся ко мне; я не успел даже разглядеть лица, как он уже сжимал мою руку в приветственном рукопожатии.

– Джосайя Кавиани, добро, добро пожаловать в Министерство Социального Метаболизма!.. Теперь и у тебя есть право называться, как мы тут любим говорить, метаболитом, ха-ха, – с этими словами странный чиновник затряс мою руку; облачко чёрных, курчавых волос на его голове затряслось в такт, словно соглашаясь с его словами.

– Я ведь могу называть тебя Джозом, верно?

– Это моё детское имя...

– Отлично, именно это мне и нужно. Я Гален. Гален Сулайман и прочая, и прочая, – он нетерпеливо покрутил рукой в воздухе. – Но для тебя просто Гален. Твой начальник, а заодно начальник отдела экономической симуляции.

Мозг наконец достучался до моего сознания и теперь нетерпеливо подсовывал ему новую информацию.

Мне предлагают работу. Нет, кажется, меня уже взяли на работу.

Я прочистил горло, пытаюсь подобрать вежливые слова.

– Но... Я ничего не понимаю в экономике. Я математик.

– Во-первых, экономика и есть математика, – Гален прищурился в хитрой усмешке, из-за чего его узкие глаза окончательно превратились в щёлочки, – а, во-вторых, ты ведь уже был у Диодато, верно?

– Да... Да, я пришёл прямо от него.

– Ты ведь не хочешь вернуться к нему, верно?

В глазах Галена показалась тень сочувствия; но в его словах прозвучала неприкрытая угроза.

Некоторое время я стоял молча, поражаясь собственному глупому упрямству. Как будто мозг застрял где-то в начале дня и теперь по инерции пытался двигаться по пустым улицам Города, не обращая внимания на круто изменившуюся жизнь. Неужели я настолько отупел после всех этих бесцельных прогулок, всех этих медленно и мучительно убитых дней?

– Нет, я не хочу к нему вернуться, – твёрдо сказал я.

Гален внезапно успокоился. Он медленно вернулся обратно за стол, скрывшись за ним почти полностью – только пружинистый пучок волос предательски выдавал место, в котором стояло кресло.

– Видел твои расчёты. И твою директорию, – раздалось из-за стола.

На этот раз я сумел сохранить спокойствие.

– Да, я...

– Ты ведь не ошибся, верно?

В кабинете повисла тишина. Откуда-то издалека, из-за той стороны бетонного монстра, блеснул внимательный и острый взгляд.

Истовая вера и смирение не помогли в прошлый раз. Помогут ли они сейчас? Будет ли у меня третий, четвёртый шанс? Если не сработала единственно правильная линия поведения...

Главкон их побери, чего они от меня хотят?

– Нет, – медленно ответил я, – нет, не ошибся.

– Спасибо, что не соврал. Я лично всё проверил. Диодато лично всё проверил. Хотя, конечно, он сохранил это в тайне.

– Видимо, не такая уж это и тайна.

– Да, ну, он вызвал тебя к себе... Нетрудно догадаться.

Раздался протяжный скрип кресла. Над столом показалось лицо Галена – чуть смуглое, с вечно прищуренными глазами и впалыми щеками. Теперь на нём не было и тени улыбки.

– Джоз, если верить твоим расчётам, мы должны умереть.

– Нет, вовсе нет!.. – я попытался издать смешок, но вышел только нервный всхлип. – Просто... Если верить расчётам, мы должны были исчерпать все ресурсы. Вода, кислород для дыхания и промышленности, субстрат для синтеза пищи и биополимеров... Числа не сходятся, вот и всё. Просто числа.

– Для Города исчерпание ресурсов и есть смерть. Ты сам об этом написал. Замкнутая эко-система.

Последние слова он проговорил, словно смакуя каждый слог. Я не нашёлся, что ответить.

– Сложная тема, верно? Опасная, – сказал Гален. – Не переживай. Я отвечу за тебя. Мы в экономике очень любим такие проблемы. Когда дебет не сходится с кредитом, нужно просто добавить число в одну из колонок.

– Я не...

– Ты считаешь, что Город получает ресурсы извне.

– Может быть, – проговорил я внезапно пересохшими губами. На это полупризнание ушли последние остатки смелости; её опустевшее место в теле занял лёд, проступивший холодным потом на коже.

– И ты не сказал об этом Диодато.

– Почему... Почему Вы так решили?

– Потому что ты всё ещё здесь, конечно же.

Гален снова вскочил из-за стола и принялся возбуждённо расхаживать по кабинету.

– Машины, о-о-о, эти Машины! Машины Любви и Благодати, всевидящие, всезнающие, всеблагие и всечистые, неспособные ошибаться и лгать!

С этими словами чиновник на мгновение выпрямился, с неожиданным артистизмом передав заостренную осанку Диодато.

– Если тайный источник ресурсов действительно существует, – горячо продолжил он, – значит, Машины о нём не знают, и тогда они не всезнающи. Либо они знают и лгут. Ох уж эти парадоксы, верно?

– Это чудовищная ересь! Одни только сомнения во всемогуществе Машин, не говоря уже об этих ужасных обвинениях...

– Ох, Джоз, конечно же, это просто гипотезы, игры разума. Наброски в твоих черновиках, сделанные для разминки. Ты ведь уже всё удалил, верно? И, конечно, ничего никому не говорил.

Я ничего не удалил – по одним только моим запросам к Библиотеке можно было отследить весь ход исследований, если найдётся достаточно терпеливый человек с большим количеством свободного времени. Но Гален не задавал мне вопрос; это было настойчивое указание на то, что нужно сделать сегодня же.

– Но почему Вы говорите обо всём этом мне?

– Если Машины лгут... – Гален остановился и посмотрел на меня, – эта альтернатива пугает меня гораздо, гораздо сильнее всего остального. А я не хочу бояться один.

Он замолчал, на этот раз явно ожидая от меня ответа.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем я справился с голосовыми связками:

– Я вообще не хочу бояться.

Слова вышли из моего горла, но я их не услышал. Зато их расслышал Гален – он снова схватил меня за руку и яростно её потряс:

– Правильный ответ! Добро пожаловать на твоё место в Городе, Джоз! Завтра к семи без опозданий.

Я вывалился за дверь кабинета и прислонился к стене. К счастью, младший сержант Драйден уже успел куда-то отмаршировать – значит, можно наслаждаться приятной прохладой стены без помех.

Какая удача – нет, какое невероятное открытие той судьбы, которую уготовили мне Машины: я чиновник. Но радость омрачалась странными, пугающими разговорами и событиями. Слова на грани ереси, а за ними мысли, шагнувшие далеко за эту грань.

Гален не стал говорить только об одном; умолчал, не продолжил мысль. Я не боюсь ошибок или лжи Машин. Я боюсь той правды, которую Машины могут скрывать.

Если где-то за пределами Города скрывается неизвестный источник ресурсов, значит, там возможна жизнь. Значит, Фиолетовая Смерть потеряла свою силу, и мы можем выбраться наружу. Могли бы выбраться, если бы знали правду.

Значит, кто-то зачем-то удерживает нас внутри.

Петер Эстергази

2 марта

Закончил программирование опытного образца. На тесте in silico всё прошло адекватно. Но всё равно нужно ещё раз проверить на возможные ошибки.

На выходе из лаборатории снова встретил её. Ким. На этот раз она отвечала за чистоту помещений. Где на днях кошек чуть вскроют. Как минимум.

Она спросила: «Что, док? Вы готовы? Франк сегодня ворчал, что только Вас и ждут».

И ещё год подождать могут, ответил я. Как он представляет науку, этот Ваш Франк? Поставлена задача, вложены деньги и к нужному сроку бах! – и маленькое чудо?

«Да нет, Вы не подумайте, док, я не за Франка. Говнюк он, этот Франк. Он всех ишлом в задницу колет, Вы не думайте. Нас тоже».

Приятно знать, что я не исключение. Что это работа у Франка такая. Впрочем, это его не оправдывает.

«Думаю, в его должностных обязанностях так и написано: колоть подчинённых вилами в зад», – добавила она со смехом.

Я думал, что где-то тут мы и разойдёмся, но она сказала, что собирается выпить кофе. Пригласила меня составить компанию. А я как насчёт взбодриться? Я очень хорошо насчёт взбодриться.

В микрокафе мы сели за самый дальний столик. Не без её подачи. Она не хочет, чтобы её видели со мной? Или она чувствует моё нежелание, чтобы меня вообще видели под хорошим освещением со всех сторон?

Увидела, как я морищусь от кофе. Спросила: больше по чаю или выпивке? Но тут же смутилась и извинилась.

«Ну, не часто, но иногда я пью, – сказал я. – Вот, в свои дни рождения, например. Как раз позавчера мне исполнилось тридцать семь, и я выпил три стакана палинки».

На её лице отразилось недоумение, даже, кажется, лёгкое недоверие. Пришлось объяснить: это венгерская водка. Из фруктов. Да, я венгр.

Я изложил ей свою великую теорию: у каждого маленького восточно-европейского народа есть свой особый алкогольный напиток, которому мы преданы всей душой и не променяем его ни на виски, ни на коньяк. Если мы отвергнем этот напиток, то растворимся среди больших народов, забудем свой язык и обычаи. И, в конце концов, исчезнем.

Она, к счастью, только посмеялась.

Формально AmNip тоже венгерская. Хотя бы по названию. Хотя бы по первоначальным денежным схемам. Концерн Wirion, священная корова современной фармацевтики, решил, что проще всего зарегистрировать дочернюю компанию в Будапеште.

Впрочем, она изначально была совсем не венгерской, и даже не американской, а, как и всё в этом чёртовом веке, транснациональной. Наднациональной. Вненациональной.

«А что Вы вообще тут исследуете, док? – спросила Ким. – Или это тайна?»

Вообще-то, тайна. Я даже что-то подписывал. Но тайны – это, так сказать, для Plebs, разве нет? Мы все здесь больше не обычные люди. Повязаны до конца жизни, и не только подписями.

«Что мы только не исследуем, Ким», – объясняю я. К тому же, смотря кто эти мы.

Здесь несколько лабораторий, и каждая исследует что-то своё. В куполе наверху, под солнцем, выращивают планктон, водоросли. Источник белка для остальных экспериментов.

Этажом ниже – «мясники». Делают еду... буквально из воздуха. В шахтах под нами занимаются биоремедиацией металлов с помощью архей. Это самые простые древние микро-

организмы. Мельчайшие микробы. Они живут в невероятных условиях, где любой сложный организм не протянет и секунды. С их помощью отделяют металлы из размолотой породы, без доменных печей и колоссальных температур.

«Вы тоже по микробам, док?»

«Практически. Только по искусственным. Делаю умные белковые машины с централизованным управлением. Которых я должен заселить в ваших кошек и посмотреть, что с ними будет».

Она усмехается: «С микробами или с кошками?»

«Со всеми».

5 марта

Вчера не успел ничего записать. Весь день орал с Франком друг на друга.

А за стенкой нам вторили кошки. Кто додумался набрать нестерилизованных? Я уже забыл, что где-то там, снаружи, время делится на сезоны. И среди них бывает, например, весна.

Франк мне все жилы вымотал. Настолько, что я решил бросить всё и оставить как есть. Но под вечер не выдержал, вернулся в лабораторию и до середины ночи перепроверял все возможные сочетания задач. Под утро отправил модели в отдел печати.

Зато сегодня наконец котам делали инъекции драгоценных нанохирургов. Пока я спал, отдел печати подготовил первую партию. Быстро работают, черти. Я был невыспавшийся и почти апатичный. А Франк бежал возбуждённый, красный, чуть не орал от радости.

Действительно, на наших глазах порезы на котках затягивались всего через пару минут после инъекции.

15 марта

Была прогулка к кошкам, а потом кофе с Ким.

Пока только кофе. Информатики обещали, что колонии биопиксельных экранов вот-вот достигнут достойного разрешения. «Прибытие поезда», показанное нам кишечными палочками, – что бы на это сказали братья Люмьер?

Уж они-то пришли бы в восторг. Какой же длинный путь мы прошли, но так и не оторвались от природы. Желатин на пластинках, полученный из костей, заменился колониями микроорганизмов, но суть осталась прежней.

31 мая

Франк вернулся с поверхности сияющий. На летучке он сходу сообщил: совет директоров выслушал его доклад. Принято решение: тестировать на двуногих. Ради чего всё и затевалось.

Не преминул покрасоваться: лично он успел найти дополнительного спонсора нашего проекта в лице какого-то саудита. Как все саудиты, бывшего кронпринца, ну, или будущего, у них там ногу сломишь в принципе наследования – сказал он. Как обычно, красуется своей агрессивной невежественностью.

Саудит, кстати же, подсказал ему набрать добровольцев для тестов. Уже отправились вербовщики.

Наверное, в современном мире нет такого слова – «вербовщик». Оно отдаёт всем набором прелестей классического капитализма: бесправность, потеря свободы, передача себя в собственность.

Кавиани

Глава 3

Линии

Целый месяц. Четыре шестерицы на новом рабочем месте.

Поверить не могу, что называю рабочим местом этот подвал. Никаких окон-экранов или хотя бы обычных окон. Голые стены и голый пол; иссохший и пошатывающийся скелет стола едва поддерживает тушу старого терминала. Трубы вентиляции неприлично вывалены под потолком всем на обозрение – не скрыты в толще стен, даже не прикрыты панелями. А ведь это компоненты самих Машин! Ерень, бесстыдство.

Даже ручек у кресла нет. Не такой я себе представлял работу чиновника.

Физическое воплощение горькой правды: всё в Городе подчиняется вертикальной иерархии. Мало стать чиновником – нужно подняться хотя бы на один этаж над головами простых граждан.

А пока что мне не выдали даже пропуск на монорельс.

Но эта правда подтверждает то, во что я всегда верил. В иерархии воплощено наше стремление вверх – туда, к Чистому Небу и Яркому Солнцу. Наше место там, а не здесь.

Может быть, это просто тоска по утраченному. Может быть, это надежда.

Надежда – развлечение для тех, кто не работает. На меня же свалилось то, к чему я готовился годами: математика. Данные статистики, объёмы продукции, доходы и расходы, имена и налоги... Теперь не архивные, а настоящие, происходящие прямо сейчас. От осознания реальности, стоящей за сухими числами, в душу впрыскивались дозы благословенного серотонина.

Впрочем, гормоны были не единственной наградой – счета за пищевые ресурсы и воду перестали быть проблемой. Бригитта наверняка уже начала хвастаться.

Терминал хрипло пискнул динамиком. Пришла ещё одна порция великого предназначения, созданного для меня Машинами. Жаль, что на колёса для моего кресла у них не хватило власти.

Я испуганно оглянулся на дверь.

Не стоит думать такие мысли прямо в здании Министерства. Не стоит думать такие мысли вообще.

Очередная рутинная работа: запрос на выдачу гранта для небольшой группы инициативных дизайнеров одежды. Разрешение на печать элементов получено, запрос на список термопластов получен...

Зачем им нужно столько денег?

Гален солгал: та экономика, которой я занимаюсь, – это не математика. В лучшем случае, арифметика. Вместо математики здесь замешано очень, очень много политики. А я с самого детства её ненавидел. Ещё с тех самых времён, когда нужно было уметь дружить с правильными Старшими против других, неправильных.

Всю политику за меня всегда решала Бригитта – обычно ударом кулака. К сожалению, одно Министерство не может ударить кулаком другое.

Вместо этого я позвонил с терминала Галену.

После краткого ожидания на экране высветилась фотография его идентификата: ещё больше волос на голове, чуть полнее щёки. Может быть, в те времена он лучше питался.

– Просто нарисуй эти числа, – треск динамика сделал голос Галена похожим на робо-консьержа, – создай и переведи им на счёт.

– Нарисуй? Но как? Это же деньги, сабкойны, я же не могу совершить эмиссию сам по себе, у меня нет права...

– Можешь и должен. Джоз, ты же чиновник, верно?

– Но это приведёт к...

– Ни к чему это не приведёт.

Неподвижное лицо Галена на экране подёрнулось помехами, как будто ожило под воздействием одного только его недовольства.

– Сабкойны существуют только на сервере, – продолжил он. – Если их мало, мы их дописываем. Если их много, всегда можно удалить ненужное. Просто числа. Ты же любишь числа, верно?

Я уставился на экран, испытывая желание употребить политический приём Бригитты в адрес начальства.

Просто числа... Когда-то я считал каждый сабкойн пособия, пытаюсь дожить до следующего обновления подписки на воду. Экономил на еде, чтобы купить доступ к библиотеке для своей научной работы.

– Злишься, верно? – даже сквозь помехи в голосе Галена послышалась усмешка. – Джоз, это просто имитация. Имитация денег для имитации экономики.

– Чёрт, но зачем?

– Зачем? Зачем нам вообще экономика? Обо всём заботятся Машины Любви и Благодарности. Это буквально в их имени.

– Это риторический вопрос?

– Да, конечно.

Некоторое время из динамиков звучал только треск статики; кажется, к нему примешивалось тяжёлое дыхание Галена – или это пульсировали помехи?

– Линии на песке, – наконец ожил динамик.

– Линии?

– Ты играл в детстве в «повергни Главкона», верно?

– Нечасто... Я не люблю бегать.

– Раз ты не любишь бегать, значит, ты сам был Главконом?

– Нет, – я невольно улыбнулся, вспоминая детские игры. Странно, как со временем забывается плохое. Я помню, как ненавидел активные игры; как меня вытаскивали за руку на поле, чтобы тут же наподдать мне мячом. Информация об этой ненависти всё ещё хранится в памяти, но тех эмоций больше нет.

– Главконом чаще всего была моя сестра. С ней было... тяжело справиться.

– Джоз, тебе не приходил в голову один вопрос... Одна идея? Если с твоей сестрой было так тяжело справиться, почему никто не приносил на игру нож? Один удар под ребро решил бы проблему с Главконом.

Я отключил свой микрофон, чтобы выругаться вслух.

Одно только предположение... Одна только мысль о том, что кто-то мог бы совершить такое с моей сестрой...

Глубоко вдохнув, я включил микрофон обратно:

– Наверное, никто не приносил нож, потому что у игроков были мозги.

– И что эти мозги вам подсказывали? – сказал Гален; в его голосе явно прозвучала улыбка.

– Что кланки уволочут такого умника в Храм Нежной Смерти в тот же день.

– Значит, от идеи принести на игру нож вас останавливал только страх наказания, верно?

– Гален, к чему ты ведёшь? – не выдержал я.

– Ни к чему. Просто задаю вопросы.

Никто и никогда не задаёт вопросы просто так. Гален строит из себя умника, учителя, наставника; хочет, чтобы я пришёл к определённомu, нужномu ему выводу. Трудно его винить, ведь он действительно мой начальник.

Пришла моя очередь молчать – отчасти из-за того, что меня переполняла злость, отчасти потому, что на мгновение я действительно задумался.

– Мы хотели поиграть, – наконец проговорил я, – мы соблюдали правила, чтобы получить удовольствие от игры.

– То есть, вы стремились достичь своих целей. От того, чтобы принести на игру нож, или от того, чтобы просто забежать в зону Лабораторий и крикнуть: «ты повержен, Великий Предатель!», вас останавливали только линии на песке.

– И что же, ты хочешь сказать, что вся экономика – это игра, в которой сабкойны – просто фишки?

– Экономика? Плевать на экономику, – сказал Гален и тут же рассмеялся. Из колонок звучал чуть хриплый от помех, но радостный, ничем не сдерживаемый смех человека, которому нечего стыдиться или бояться.

Отсмеявшись, он продолжил:

– Расчерчены домики в огромной яме из бетона, процарапаны бороздки улиц, нарисованы министерства, исчерчены даже наши мозги. Весь этот уродливый Город – просто линии на песке, которые мы не переступаем, потому что стремимся достичь своих целей при помощи этих линий.

Он замолчал; теперь его тяжёлое дыхание невозможно было спутать с помехами. Я не стал нарушать тишину. Волны статики накатывали и отступали, щекотали уши, пробуждая воспоминания об окне в кабинете начальника. Наверное, именно так и звучит пустыня.

– Просто нарисуй эти чёртовы сабкойны, – наконец успокоившись, сказал Гален. – Не забывай, что ты работаешь в отделе экономической симуляции. Надеюсь, теперь ты понимаешь смысл названия.

Я молча кивнул слепому экрану; но ошибку исправлять не пришлось – Гален отключился, не дожидаясь ответа.

Пережитый рабочий день оставил тёмный след на душе. Чем больше я пытался забыть услышанное, тем больше о нём думал; чем больше думал, тем труднее было забыть.

Я должен служить Городу. Должен быть исправной деталью, которая выполняет своё предназначение. Гален Сулейман не похож на исправную деталь. Но экономика Города работает – пусть даже Гален и говорит, что это просто симуляция, игра, подделка, точно такая же, как Небо на огромных экранах лайтбоксов.

Значит, Гален выполняет своё предназначение? Машины Любви и Благодати им довольны? Невероятно. Мотивы и замыслы Машин непознаваемы и нам неведомы, но не настолько же.

Опять я сомневаюсь в Их решении.

Нужно вытравить дурные мысли из тела через пот, забить мозг благостными эндорфинами. К счастью, сегодня я иду на Добровольные Работы.

Ноги привычно понесли меня по улицам Города. Плевать на монорельс, не так уж он мне и был нужен. Нужно поддерживать тело в готовности для того, чтобы послужить Машинам, когда придёт время. Когда придёт время... Выходить наружу, к Небу и Солнцу...

Не сбавляя шага, я постучал кулаком по голове. Греховный соблазн еретических мыслей становится сильнее меня. Нужно пойти к исповеднику. Завтра же.

К счастью, Добровольные Работы в этот раз проводились недалеко – в соседнем секторе, у большого склада, чем-то напоминающего стол Галена: такой же длинный и скучный блок чистого бетона, только в тысячи раз больше.

Я подошёл к уже собравшейся толпе, стараясь не замечать двух кланков, скучающих неподалёку. Конечно же, я ни в чём не виноват, но Департамент Заботы и Защиты умеет внушать чувство вины одним своим видом.

К тому же, кланков всегда больше, чем кажется. Если их два, то где-то за углом сидит ещё десять.

– Добропорядочные граждане! – внезапно провозгласила какая-то женщина; сухая и белокурая, она так и светилась энергией. – Спасибо, что пришли на помощь Городу, бескорыстно и безвозмездно, пусть даже никто вас к этому не обязывает!

В который раз я удивился про себя странной традиции. Очевидно, что посещение нескольких Добровольных Работ в год обязательно для каждого гражданина. Может быть, смысл ритуальных слов в том, что нас не обязывает никто конкретно? Нет чиновника, нет бумажного приказа. Только воля Машин.

Пришедшие в этот раз горожане принялись молча разбирать вёдра и валики. Столько незнакомых лиц, столько разных деталей, собравшихся теперь ради одного дела. Невелика вероятность, что я наткнусь на...

В толпе мелькнули каштаново-рыжие вихры. Сердце пропустило удар – только для того, чтобы забиться сильнее.

Та девушка! Та самая, с которой я столкнулся у оксидизатора!

Но каковы шансы? На этих Добровольных Работах сотня человек, не больше. Если учесть, что сюда пришли только те, кто живёт или работает неподалёку, то по формуле Бернулли... Количество возможных исходов с учётом, что я мог и не прийти...

Я снова чуть не стукнул себя по голове. Глупый мозг тут же перескочил на привычные рельсы при первых признаках незнакомого напряжения. Как знание примерной вероятности поможет мне заговорить с ней?

Да и стоит ли с ней говорить? Это для меня момент нашего столкновения стал самым ярким переживанием последних месяцев. Для неё я – просто странный, и, может быть, немного смешной юноша. Смешной – или пугающий.

Нет. Просто займусь тем делом, ради которого пришёл.

Повезло. Выделенный мне участок стены не прерывался ни окнами, ни дверями. Никаких повреждений, нет грязи или трещин. Ровная, серая, чуть шероховатая поверхность. Идеальная в своей обыденности.

Я обмакнул валик в ведро и принялся катать его по стене. Линия за линией, слой за слоем, свежая серая краска ложилась поверх старой. Сначала тёмная, словно я не крашу, а смачиваю стену водой, по мере высыхания она становилась неотличимой от остальной стены.

Душу захлестнул поток благословенного дофамина. Всё правильно. Всё так, как и должно быть. Труд полезен для Города, для тела, для души. Серая стена остаётся серой, не нарушая замысла Машин, – но меняемся мы сами.

– Простите... У Вас не осталось краски?

Валик чуть не выпал из моих рук. Погружённый в свои мысли, я не заметил, как кто-то подошёл ко мне; близко, слишком близко.

Она. Это она. Теперь я знаю, как звучит её голос.

– У меня закончилась... – в доказательство она помахала пустым ведром.

– Д-да, конечно, у меня ещё много, – я смог ответить, не сорвавшись на хрип; невероятный успех, учитывая обстоятельства. – Ставьте на землю, я поделю.

Она так быстро расправилась со своим ведром... Того, что у меня осталось, ей хватит на несколько минут, не больше. Если я хочу поговорить с ней ещё, нужно думать быстрее:

– Вы тут первый раз? А я тут часто бываю.

И зачем я соврал? Собрался впечатлить её тем, что часто хожу на Добровольные Работы?

– Да, я тут в первый раз, – ответила она. – Обычно я хожу на работы у Дома Материнства.

– Почему?

– Я там работаю. Работы у работы, ха-ха.

Её смешок словно разбил невидимую стеклянную стену между нами; я и сам рассмеялся, удивляясь той лёгкости, с которой это у меня получилось. Джоз не стесняется смеяться перед девушкой – вероятность этого события вычислить будет нелегко, слишком уж много в ней нулей после запятой.

– Работаете в Доме Материнства? – спросил я. – Неужели принимаете роды вот этими самыми руками?

– Нет-нет, вовсе нет. Просто стажёрка, ухаживаю за роженицами. На сами роды нас не пускают.

Она смутилась и опустила взгляд, как будто сказала что-то постыдное.

– А я вот чиновник в Министерстве Социального Метаболизма, – невпопад и по инерции похвастался я. И тут же чуть не заехал себе кулаком по голове в третий раз. Нашёл перед кем хвастаться! Глупый, глупый.

– Но пока что всего месяц. Работаю буквально в подвале.

Жалкая попытка исправить урон, нанесённый разговору моей глупостью.

– Значит, мы практически коллеги, – она улыбнулась. – Коллеги-стажёры.

– Да!.. Да, действительно.

Я снова рассмеялся – больше от облегчения, чем от её слов. Она же смеяться не стала; только молча посмотрела мне прямо в глаза.

Эта пронзительная голубизна её радужки... Ярче Чистого Неба с архивных записей. Конечно, этого просто не может быть. Не могут же её глаза светиться?

Для меня она вся светилась. Словно сама сошла с лайтбокса – нереальная, невозможная тут, среди серо-зелёного бетона и таких же серо-зелёных людей.

Нереальная – но в каком-то смысле она выглядела реальной их всех.

– Спасибо за краску! – сказала она внезапно. Я вздрогнул, возвращаясь в мир. Как долго я пялился ей в глаза? Наверняка это увидели другие работники. Какой позор.

– Теперь я должница, – продолжила она, не дождавись ответа. – Что же делать...

– Но эта краска бесплатна, – с лёгким недоумением ответил я.

– Тогда давайте сделаем вид, что она чего-то стоит.

На мгновение мне почудилась вонь сырости и перегретого пластика. Запах подвального кабинета, принадлежащего мелкому чиновнику отдела экономической симуляции.

Опять эти игры, линии на песке. Мы должны соблюдать правила, если хотим достичь своих целей.

Поколебавшись, я сказал:

– Да. Давайте сделаем вид.

– Отлично! Тогда с меня... Как насчёт небольшого обеда? Вместе. Завтра. Я знаю неплохое место как раз рядом со Столпом Метаболизма.

– Д-да, звучит неплохо.

– Тогда я зайду за Вами в Министерство. Кого мне спросить у охраны?

– Джоза... Джосайю. Джосайю Кавиани. Я тут же спущусь... Поднимусь.

– А я Полианна. Вот и познакомились.

Она отступила на шаг назад и слегка поклонилась, как будто за что-то извиняясь, – после чего развернулась и... исчезла. Как будто растворилась в толпе работников. Секунду назад она казалась самым ярким, единственным реальным человеком в мире, теперь же я не мог разглядеть даже копну её медных волос.

Некоторое время я просто стоял, пытаюсь отдышаться и успокоить сердце. Не девушка, а бурный вихрь – налетела, закрутила, вскружила голову, взбила мысли в мелкую пену... И тут же растворилась в воздухе.

Завтра. Завтра я встречу с ней снова. А пока что нужно быть исправной деталью – Добровольные Работы ещё не закончены.

Я перехватил валик поудобнее и устался на два ведра, стоящих у меня под ногами, – в каждом примерно равное количество краски.

Кажется, кто-то достиг своей цели и перестал играть.

Мышцы ног подёргивались от приятной усталости. Я медленно поднимался по ступеням на свой этаж, при каждом шаге похлопывая ладонями по коленям, чтобы ощутить напряжение плоти. Усталость – мера труда, а чем больше труда – тем больше эндорфиновая награда.

Почему-то дверь квартиры открылась ярким прямоугольником света.

– Бомануар, почему горит свет? – сказал я, стягивая ботинки. – Выключить... Стоп, нет, я же уже пришёл.

– Добрый вечер, господин Кавиани. Свет включён по просьбе гостя.

Я замер, стараясь не издать ни звука; только мысли и подозрения лихорадочно заматались в голове. Кто и как? Почему именно сегодня? Почему я? Только у Департамента Заботы и Защиты есть доступ к жилищам граждан...

– Учитывая кластерное родство, я взял на себя смелость пустить... – начал говорить Бомануар; стук сердца в ушах заглушал его оправдания.

– Хэй, мелкий! Проходи уже, чего завис?

Голос Бригитты.

Я выдохнул и чуть не сел на порог. Интересно, сколько заявлений мне придётся оформить, чтобы изменить настройки Бомануара в этом случае? Бридж я могу простить, но некоторых родственников я видеть в своей квартире совсем не хочу.

Сестра лежала на кровати, закинув руки за голову. На столе громоздилась её грязная рабочая сумка – из неё торчали горлышки бутылок.

– Просил же не ставить сумку на стол, – недовольно сказал я, – Что ты тут делаешь?

– Пива вот принесла.

– Ты же знаешь, что теперь я сам могу заплатить за своё пиво.

– Ничего себе! – Бридж резко поднялась и уселась на кровати; в моей комнате сразу же стало тесновато. – Сейчас возьму и уйду. И пиво унесу.

– Нет-нет, подожди. Прости. Голова кругом идёт с этой работой, дурацкие сны, да ещё и...

Я прикусил язык. Не хватало ещё проговориться о том, что девушка пригласила меня на обед. Бридж будет зубоскалить на эту тему ближайший год.

– Павиани, ты не работаешь, а сидишь в кабинете. Это я работаю, – сказала она, доставая из сумки бутылку. – Приходи завтра к Управлению Горных Дел, хоть посмотришь на рабочих людей.

– Да видел я вас уже.

– Всё равно приходи. Поведу тебя к исповеднику, раз уж сам стесняешься.

В ответ я только неопределённо помахал рукой в воздухе.

Поможет ли исповедник? Раньше я разговаривал с ним часами; занимал будку так, что за мной выстраивалась очередь; стоял до тех пор, пока не начинали отниматься ноги. Казалось, он знал ответы на любые вопросы. А если и не знал, то мог подсказать, какие вопросы являлись неправильными и запрещёнными.

Но я рос и рос, а исповедник оставался тем же самым. Последняя встреча с ним была в мой День Последней Сборки: я сдал последние экзамены и отправился во взрослый мир.

Почему-то казалось, что исповедник тоже должен был как-то измениться, отправиться в новый мир вместе со мною. Но этого не произошло.

С другой стороны, кошмарные сны – это детская проблема. Может быть, с этой проблемой исповедник всё ещё способен справиться.

– Приём, приём, база вызывает Павиани! – сестра легонько пихнула меня ногой. – Бомануар, ударь его током.

– К сожалению, в конструкции робо-консьержей не предусмотрена функция...

– К сожалению?!

Пока Бридж переругивалась с консьержем, пытаюсь вытрясти из него хотя бы одну шутку, я потянулся за пивом – больше за компанию, чем из желания выпить. Хотелось поскорее лечь спать, чтобы смыть с души накопившиеся гормоны, а из тела – молочную кислоту; но больше всего хотелось перемотать время до завтрашнего обеда.

Полианна сказала, что зайдёт за мной...

– Ладно, Джоз, теперь признавайся, что ещё ты хотел сказать.

Я уставился на сестру. Та хитро шурилась на меня тем особым взглядом «я не расскажу Старшим, если ты расскажешь мне». Этот взгляд не сулит мне ничего хорошего – любопытство Бридж было таким же неудержимым, как и она сама.

– Ты не отстанешь, верно?

– Знаешь же, что не отстану.

– Ладно... Я встретил одну девушку.

Бридж устроила целое представление – она давилась пивом, закатывала глаза и жестикулировала, как будто призывая Бомануара в молчаливые свидетели чуда.

– И что, даже смог с ней заговорить? – спросила она, закончив спектакль.

– Н-нет. Она сама со мной заговорила.

– А. Ну, ничего удивительного. Стоило тебе только устроиться в Министерство...

– Она не знала, где я работаю, – ответил я с некоторым ехидством. – Я сам ей рассказал.

На этот раз Бридж сохранила спокойствие; она помолчала с отсутствующим видом, покручивая недопитую бутылку в руках.

– Будь осторожнее, Джоз.

– Франк-спаситель, это просто знакомство!

– Не бухти. Ты уж извини, но... Ты, конечно, хорош с числами, но с людьми у тебя всегда было не очень. Помнишь, как в детстве тебе в друзья постоянно набивались всякие придурки?

– Которые потом меня подставляли или издевались, да.

– А потом я их била, ха-ха.

– Могла бы и не напоминать.

Я попытался одновременно улыбнуться и недовольно поморщиться. Но Бридж оставалась серьёзной:

– Просто имей в виду. Хотя бы не болтай с ней о работе слишком много. Иначе уморишь её своим занудством.

– Ладно, ладно... Спасибо.

– Вот-вот. Наконец-то поблагодарил.

Похоже, она так и будет меня оберегать до самого конца жизни. Может быть, в людях я и не разбираюсь, но свою сестру знаю хорошо – достаточно, чтобы не спорить.

– Входящее письмо! – внезапно ожил Бомануар. – От общественной столовой. Ваш заказ, водорослевый суп, одна двойная порция, получен с отсрочкой доставки. С праздником, господин Кавиани!

Я почувствовал жар, приливший к щекам.

– Это ещё что такое? – почуяв новую пищу для подколок, сестра улыбалась, как дробилка рециркулятора.

- Это... это я праздную окончание первого рабочего месяца.
- О, ну тогда с праздником, господин Джосайя Кавиани, сотрудник отдела...
- ...экономической симуляции...
- ...Министерства Социального Метаболизма, да! Ура!

Она отсалютовала бутылкой с самым серьёзным видом – настолько серьёзным, что я поверил в её искренность.

Освещение за окном сменилось на вечернее, отчего свет люминоламп в комнате стал только уютнее. Болтовня Бригитты с редкими вставками от Бомануара усыпляюще шумела морским прибором, который я слышал только в записях.

Неужели так и живут нормальные люди? Получают всё это просто по праву рождения, даже не замечая своей удачи. И сами несут её другим. Пусть даже этой самой удачи и не существует – только математическая вероятность.

К такой жизни можно и привыкнуть.

Глава 4

Два свидания

Голова ощущалась разобранным конструктором.

Подвальный кабинет-кладовка сегодня казался особенно тесным. Слишком близко находятся стены, слишком низкий потолок. Я то и дело оттягивал ворот рубашки, пытаюсь вдохнуть побольше свежего воздуха, но из вентиляции струился ветер, жаркий и влажный, словно чужое дыхание.

Нужно работать. Министерство ждёт от меня продуктивности; люди ждут начисления вымышленных денег на счета, чтобы потратить их на реальные вещи, которые уже дарованы им Машинами Любви и Благодати.

Где-то в глубине всего этого должен найтись какой-то смысл. Предназначение, высшая цель.

Вместо высшей цели на экране мерцали числа. Раньше я находил смысл только в них, обнаруживал скрытые закономерности даже там, где их не было и быть не могло. Теперь же меня интересовало только одно число – циферблат часов.

Пять часов до обеда; до встречи с Полианной. Четыре часа и пятьдесят девять минут до встречи. Четыре часа и пятьдесят восемь минут. Четыре часа и...

Нет, это невозможно.

Я принялся листать список задач на день. Какие-то были слишком большими, чтобы начинать их до обеда; после встречи с девушкой-вихрем вникать в задачу придётся заново, если вообще удастся собрать мозги обратно в кучку. Остальные казались настолько незначительными, что в душе не находилось сил на их обработку.

Жалоба на нецелевое расходование средств от швейной фабрики. Скучно. Зачем это Машинам? Глупая, неэффективная возня. Уж я-то знаю точно, я сам писал об этом в своей научной работе. Больше одежды производить невозможно – ресурсы для неё и так берутся словно из воздуха. Как будто какой-то другой Джосая в другом кабинете дописывает эти ресурсы на склад, как я дописываю сабкойны.

Я прокрутил таблицу ниже, но тут же вернулся обратно, углядев знакомые слова.

Опять сообщество дизайнеров. Только вчера я добавил им чисел на счёт, прямо с этого терминала, этими самыми руками. Прошёл один день, а деньги уже растворились; разбились на мелкие суммы, перемешались с другими, отправились в путешествие по многочисленным счетам, чтобы в конце наверняка собраться всем вместе у какого-то излишне хитрого гражданина.

Можно отследить каждую монетку. Пусть её и не существует, но остался след, линия на песке, которую мы все договорились считать ценной, чтобы играть по правилам. Можно обратиться в Департамент Заботы и Защиты. Но какой в этом смысл? Писать заявления, разговаривать с людьми, отправлять отчёты, ставить подписи... Проще дописать ещё чисел на счёт фабрики, чтобы тут же забыть об этом навсегда.

Четыре часа и двадцать три минуты до встречи с Полианной...

Я закатил глаза и со вздохом принялся писать письмо Галену. Обществу дизайнеров сегодня не повезло.

В дверь постучали. Жалкий кусок пластика, который я называл дверью, с громким «кряк!» расщепился по трещине, которую я вправлял обратно каждый день перед уходом.

В трещине показалось лицо... маска одного из охранников. Где-то под ней должно быть человеческое лицо. Я в этом почти уверен.

– Господин Кавиани, к вам посетитель!

Маска тут же исчезла – кланк не стал дожидаться ответа. Его чувства понятны. Пришлось спускаться в подвал, словно прислуге, чтобы позвать наверх какого-то тощего юнца.

Может быть, он даже завидует, что симпатичная девушка пришла ко мне, а не к нему. Надеюсь, что завидует.

Полианна обнаружилась на улице.

– Душно у вас в Столпе, – извиняющимся тоном сказала она, – непривычно. Ещё и эти кланки...

– Понятия не имею, что они охраняют, если честно.

– Вас?

– Ха-ха. Могу раскрыть тебе служебную тайну. Никакой сокровищницы в подвале Министерства Социального Метаболизма нет. В подвале только я.

– Может быть, ты и есть сокровище?

Полианна бросила на меня косой взгляд и улыбнулась.

От неожиданной шутки кровь бросилась мне в голову так резко, что в висках застучало. Я думал, что застану её врасплох, без предупреждения перейдя на «ты», но она меня переиграла и полностью уничтожила.

– Пойдём скорее!

Совершенно не подозревая о выигранной на полях моего мозга битве, она легко пробежалась вперёд, к небольшому переулку, уходящему от площади; после чего оглянулась и помачала рукой.

Я ускорил шаг и спросил:

– Куда мы идём?

– На обед, как и договаривались!

– Да, но куда?

– Разве не очевидно? Я думала, ты знаешь это место лучше меня. Ты же тут работаешь.

«Работаю, а не ем», – хотел было пробурчать я, но сдержался. Нормальные люди уходят на обеденный перерыв. Некоторые даже уходят из министерской столовой, чтобы попробовать другую еду. Это я здесь странный, а не они.

Полианна подошла к ажурной башне, собранной из металлических балок. Рядом со Столпами эта башня выглядела зубочисткой, настолько мелкой, что я просто не обращал на неё внимания; но вблизи оказалось, что этажей в ней больше, чем в доме Бригитты. Решётчатые пролёты лестниц змейкой уходили к небесам, сливаясь в сплошную чёрную полосу.

Проход к лестницам был закрыт дверью с замком-терминалом.

– Давай свой пропуск на монорельс, – сказала Полианна, нетерпеливо протягивая ко мне руку.

Это не башня, а одна из опор монорельса!..

Осознав это, я закрипел зубами от стыда; щёки загорелись второй раз за день.

– Я... У меня пока что нет пропуска... Как-то в голову не приходило. Я больше люблю ходить пешком.

– Но ты же чиновник Министерства... – увидев моё лицо, Полианна тут же принялась тараторить: – Ничего страшного! Нормально. Всё хорошо, я тоже люблю ходить пешком. Сейчас решим.

Пока я злился сам на себя за глупость и лень, она отвернулась к терминалу, закрыв его телом.

Через несколько наполненных мучительной тишиной секунд терминал пискнул, и дверь открылась.

– У тебя есть пропуск? – удивлённо спросил я, пытаюсь припомнить, являются ли стажёрки Дома Материнства чиновниками.

– У меня есть друзья, – Полианна скорчила гримасу, значение которой я не смог определить.

Конечно же, у такой девушки есть друзья. А у меня даже пропуска нет.

Решётки ступеней гремели при каждом шаге. Я невольно поёжился – казалось, что этот грохот разносится по всей площади; сердитые чиновники всех шести Столпов того и гляди выбегут на улицу, чтобы посмотреть, кто же именно мешает им работать.

С каждым пролётом Город немного уходил вниз. Всё ближе становилась труба монорельса, теперь уже ясно видимая – где-то над головой она соединялась с башней, расширяясь в посадочную станцию.

– Куда мы поедем? – сказал я и оглянулся на Полианну; она пропустила меня вперёд, от чего становилось только тревожнее. Вдруг я приду куда-то не туда?

– А мы не поедем. Мы поедим!

Я автоматически посмеялся в ответ, но нервничать не перестал.

Ступени закончились перед ещё одной дверью – теперь уже без замка. Над дверью висела тяжёлая вывеска, склёпанная из металлических обрезков.

– Железный Темпл, – прочитал я вслух. – И что это?

– Джоз, ты вообще из Министерства выходишь?

– Нет.

– Смешно. Это же единственный в Городе вокзал-ресторан!

Полианна протиснулась по лестнице мимо меня, невзначай использовав мой локоть вместо перил. Сердце пропустило пару ударов, но волноваться было некогда.

За дверью скрывался не ресторан, а, скорее, просторная кладовка. Небольшая кухонная стойка-раздатчик с одной стороны; напротив – два намертво приваренных к полу столика с такими же табуретками. Дорожка между ними вела к ступеням, продолжающим свой подъём к посадочной площадке монорельса.

Но главной достопримечательностью «ресторана» оказалось отсутствие окна. Вся стена напротив стойки отсутствовала – не было даже балок, заменяющих решетчатой башне стены. Только небольшой бортик из тонкой трубы.

Так вот почему мебель приварена к полу.

Я опасливо присел на твёрдую, как бетон, табуретку. Из-за нехватки места столики выступали за край бортика в пустоту; но выступали не только они – наружу торчало моё колено. Хорошо, что в Городе не бывает дождя или сильного ветра.

– Ну как, красиво? – Полианна присела напротив меня; она уже успела схватить со стойки две миски с грибной лапшой.

– Да, интересная концепция. Каждый, кто хочет сесть на монорельс или сходит с него, обязательно пройдёт через эту... забегаловку. Явно идея нашего Министерства.

– Я не об этом, господин чиновник! – сказала она с наигранным недовольством и кивнула в сторону «окна».

«Там Город, я уже его видел», – снова собрался пробурчать я; но всё же сначала глянул на привычную панораму.

И замер, не донеся палочки с лапшой до рта.

Знакомый вид – почти такой же, как с крыши дома Бригитты, только под другим углом. Но всё же... Как будто он стал ближе – или стал ближе к нему я. Теперь я не стоял на прочной крыше, окружённый толстым и безопасным парапетом; я словно висел над Городом, парил на невидимых нитях. Достаточно протянуть ногу в сторону – и вот ботинок болтается в пустоте, которая может в любой момент схватить и утащить меня, но не вниз, а в сторону и вверх, обрушить сквозь тёмно-зелёный купол в бездну того Неба, которого я никогда не видел.

– Ч-что это?.. – прошептал я, не в силах оторвать взгляда от внезапно открывшейся глубины.

– Город. Ты ведь его уже видел, – с лёгким ехидством ответила Полианна. Словно прочитала мои мысли.

– Обычно он так не выглядит.

– Он всегда так выглядит. Просто ты не оттуда смотришь.

Некоторое время она молча жевала свою лапшу. Потом отстранённо добавила:

– Тебе он не кажется маленьким?

– Маленьким?!

Я возмущённо фыркнул, почему-то почувствовав обиду. Как будто Город только что оскорбили, а через него оскорбили и меня.

– Ну да. Посмотри вон туда, – она ткнула палочками за мою спину.

Я оглянулся.

– И что я должен увидеть?

– Стену.

Вдалеке, за коробочками домов, расстилалась ровная вертикальная поверхность – то тут, то там из неё выныривали огромные колонны трубопроводов, чтобы тут же скрыться обратно в толще скалы. Следы великих Машин на стене великого Котлована.

– Ну да, стена Города, – с лёгким недоумением ответил я. – Выглядит как обычно.

– А теперь посмотри туда, – сказала Полианна, перевернув палочки и ткнув ими себе за спину.

– Да, там тоже стена.

Я помолчал для верности, после чего осторожно, словно говорю с ребёнком, добавил:

– Стена вокруг всего Города идёт.

– Вот-вот. И отсюда, с этого места, ты увидел стену в обе стороны. Весь Город из конца в конец.

– Да, ну...

– Как будто в своей комнате. Отрасти руки побольше, и ты коснёшься стен и потолка, не вставая с кровати.

Лапша совсем размякла. Я сердито потыкал её палочками. Обед складывался совсем не так, как я себе его представлял.

– Ох, прости, – сказала Полианна, внезапно просияв улыбкой. – У меня какая-то стенофобия, наверное.

– Да, понимаю, у меня тоже бывает.

«Только мои стены говорят со мной по ночам», – добавил я мысленно. Незачем пугать девушку разговорами о своих кошмарах.

– Поэтому я так люблю этот ресторан! Тут наблюдается острая нехватка стен.

– И посетителей.

– Вовсе нет! Сейчас, к примеру, «Железный Темпл» заполнен наполовину.

Она помахала рукой в сторону второго столика, подчёркивая очевидное, – если здесь решат поесть ещё два человека, то в забегаловке будет аншлаг.

– Ещё бы знать, что за название такое странное, – дополнила она и решительно взялась за остывшую лапшу.

– А, да это же Темпл, изобретатель и святой покровитель шахтёрской биоремедиации, – рассеянно ответил я. – Подходящее название для цельнометаллического заведения.

– Фио-фего?... – Полианна уставилась на меня с набитым ртом.

– Ох... Темпл получил от Машин Любви и Благодати озарение. Он обнаружил маленьких помощников-бактерий, которые могут собирать металл из скалы. Железо, медь, магний... А бактерии, с помощью Машин и с благословения Франка, конечно же, передают эти металлы нам. Снизу, из-под Города.

– Ух ты. Откуда ты это знаешь?

– У меня сестра в Управлении Горных Дел работает.

– Ух ты. Любопытно. Непростая поликула у вас. Сплошные чиновники и большие шишки.

– Всего нет, – ответил я. Но в глубине души порадовался: пусть у Полианны есть всякие друзья с пропусками на монорельс, мне тоже есть чем похвастаться.

– И где этот Темпл сейчас? В Управлении?

– Нет. Умер, полагаю. Это же давно было, ещё в старом мире.

– А-а-а, – Полианна заинтересованно склонилась над столом; лапша доедена, но никто вставать не торопился. Наконец-то обед перешёл в более приятное русло.

– Но ведь тогда не было Машин, – внезапно сказала она.

– Не было?

– Ну да. Машины создали Город после катастрофы. До Фиолетовой Смерти ничего этого не было. Ни этой лапши, ни этих чёртовых стен.

– А кто тогда создал сами Машины?

– Люди.

Я застыл, бездумно глядя на площадь, расстилающуюся под ногами. Отсюда было ясно видно, что Столпы превращают площадь в огромный шестиугольник, словно растягивая её за углы. Знание очевидное, но не приходящее в голову, когда сам стоишь на поверхности этого гексагона.

Почему слова Полианны звучат как ересь? Она же говорит правду. До Города существовал старый мир. Это очевидно, и я всегда это знал. Но вот так, в открытую сказать, что Машины Любви и Благодати созданы людьми... Это звучит неправильно.

Душу грызла ещё и вторая неправильность. Если Машин тогда не было, кто послал Темплу откровение о ремедиации?

– Джо-о-оз, не перегрейся от размышлений, – Полианна снова улыбнулась и протянула руку через стол, положив свою ладонь поверх моей.

Титаническим усилием воли я удержал кисть на месте, не отдернув её с криком испуга.

– В-вся моя работа состоит из размышлений, – выдавил я.

– Ну сейчас-то ты не на работе! Хотя бы на свидании ты можешь расслабиться.

– На чём?

Она рассмеялась.

– Ты смешной. И немного занудный.

– Но это плохо...

– Всего нет. Кто тебе сказал такую глупость?

С этими словами она так же неожиданно убрала руку. Я выдохнул, с трудом проглатывая сердце обратно в район диафрагмы. Ещё одно прикосновение отпечаталось в памяти, почему-то не оставив багрового следа на коже.

– Конечно, это свидание, – продолжила она. – Я привела тебя в одно из самых любимых мест в Городе, а ты подумал, что это просто обед из благодарности за краску?

– Кстати, ты в тот раз забыла краску в...

– Забудь о чёртовой краске.

– Ладно.

– На самом деле в «Железном Темпле» редко бывают посетители. Эта станция совсем близко к Столпам. Чиновникам проще выйти из дверей своей башни, чем ехать одну остановку сюда.

На мгновение она прервалась и посмотрела на Столпы Министерств с отсутствующим выражением лица. После чего продолжила:

– В Городе много таких местечек. Пустых, как будто заброшенных. Словно неработающих. Какие-то из них действительно заброшены. Некоторые... Некоторые почему-то работают.

– Машины Любви и Благодати не испытывают лени или скуки, – произнёс я тоном исповедника. – Они поддерживают нас, словно неразумных детей, даже когда нам самим кажется, что в этом нет нужды.

– Ты действительно в это веришь?

– Да, конечно. А ты разве нет?

Она не ответила – только посмотрела на меня своим пронзительно ясным взглядом, острым и внимательным. Изучающим, как будто... как будто я действительно её интересую.

Никто и никогда не смотрел на меня так.

Молчание затянулось. Может быть, я что-то не то сказал?

– По крайней мере, меня так учили, – нервно добавил я.

– Нас всех так учили.

– Вот именно!

Я издал смешок, пытаясь разрядить обстановку. К моему облегчению, Полианна улыбнулась в ответ.

Внезапно она вскочила со своей табуретки:

– Обеденный перерыв окончен!

– Ох, чёрт, я и забыл...

– Мне кажется, ты нервничаешь на такой высоте. Как насчёт того, чтобы место для второго свидания выбрал ты?

– В-второго?..

– Ну, раз первое вышло таким напряжённым.

– Но я не знаю...

– У тебя есть любимое место в Городе?

«Мой дом», – чуть не брякнул я, но тут же пришёл в ужас от одной только мысли. Она может подумать, что я приглашаю её к себе!

– На следующей шестерице, в этот же день я снова зайду за тобой, – торопливо сказала Полианна. – Хорошенько подумай над тем, куда мы пойдём.

Она выскочила за дверь «Железного Храма» и загрохотала ботинками по металлическим ступеням.

– ...И не забудь заплатить за лапшу!.. – раздался с лестницы её голос.

– Но...

Я ошалело посмотрел ей вслед, после чего махнул рукой и пошёл к раздатчику, доставая из кармана идентификат. В конце концов, я могу нарисовать сабкойны на счёт и самому себе. Наверное.

Опять эта девушка налетела вихрем, взбаламутила душу и сердце, раскачала меня, вывела из равновесия и снова скрылась, как будто её и не было. Странная, непонятная и как будто совсем не романтическая. Впрочем, откуда мне знать что-то о романтике.

Непредсказуемая ситуация: никакого контроля, анализа и плана действий, никаких привычных паттернов, на рельсах которых может успокоиться мозг. Попади я в такую ситуацию раньше, то уже бы запаниковал. Но теперь, впервые в жизни, меня всё устраивает.

Пожалуй, мне это даже нравится.

Рабочее настроение совсем испарилось, как я и предсказывал. К счастью, есть уважительная причина, чтобы прогулять остаток дня: нужно сходить к исповеднику. Даже Министерства не смеют мешать такому важному делу, как исправление неполадок в душе и сердце. Накопившиеся в разуме ошибки могут привести человека в полную негодность. А человек-ошибка может привести в негодность весь Город.

Некоторое время я топтался на площади, раздумывая, к какому из Столпов пойти. Святое Триединство гормонов всё ещё бурлило в груди после встречи с Полианной. Впервые за долгое

время я чувствовал в себе не просто смелость, но жажду вызова. Препятствия, которое я смогу преодолеть.

Уж к исповеднику я могу сходить и сам.

С другой стороны, я уже договорился с Бридж... Она может обидеться из-за нарушения планов.

Лучше не злить Бригитту.

Она вышагивала по тротуару, словно испытывала личную неприязнь к каждой плитке. Я едва поспевал следом, пытаясь не сорваться на ходьбу вприпрыжку. Как будто мы вернулись в детство и теперь идём к исповедальне на обязательный шестеричный разговор. Даже привычное чувство вины вернулось.

– Злишься? – осторожно спросил я на ходу.

– Нет, – буркнула Бридж, – думаю.

– О работе?

– Отчасти.

«Бух, бух, бух», – её тяжёлые строительные ботинки обрушили свою кару ещё на три несчастные плитки.

– Попросила Джейми подменить мою смену сегодня, там, под куполом.

– Разве это плохо? Тебе придётся отрабатывать?

– Нет-нет. Я не об этом думаю. Просто поддерживаю разговор. Я же знаю, что ты идёшь и губы грызёшь от тревоги.

– Вовсе нет!

– Вот и хорошо.

Дальнейший путь прошёл в полном молчании.

Будка исповедника как будто ссугулилась. Конечно, она стала меньше, ведь вырос я; когда-то я едва дотягивался до экрана, сейчас же смотрел на него сверху вниз. Но теперь будка выглядела ещё и обветшалой, потрёпанной. Как будто заброшенной.

Одно из тех маленьких странных мест, о которых говорила Полианна.

Впрочем, экран мерцал тусклым зеленоватым светом, а большего от будки и не требовалось.

Я оглянулся на сестру:

– Ты пойдёшь первая?

– Сейчас, разбежался. Я здесь только из-за тебя. Так что давай, развлекайся. Только без трёхчасовых посиделок с душевными беседами.

– Да, я быстро.

Я повернулся к будке и вставил идентификат в ридер. Экран подёрнулся помехами; на нём возникло едва различимое лицо – застывший кадр видео или, может быть, фотография. Неважно. Лишние детали мне ни к чему. Я знаю своего исповедника, Старшего Исправителя Нойбурга, с детства.

Из решётки одинокого динамика раздался хриплый, надтреснутый голос:

– Приветствую тебя, Джосайя. Ты давно не посещал меня.

Я выдохнул, только сейчас почувствовав, насколько сильно были напряжены мышцы шеи. Нойбург, как обычно, прав, мне нужно было прийти сюда раньше.

– Я был очень занят после финальной сборки и переезда.

– В твоём возрасте это простительно. Вступление во взрослую жизнь – это пора испытаний и невзгод. Что привело тебя?

Стандартный и совершенно невинный вопрос теперь вызвал страх. Одно только это чувство означает, что в моей душе случилась поломка – мелкий, но опасный разлад, который может привести к катастрофе.

– Мне снятся кошмары.

– Раз ты пришёл сюда, тебя беспокоит в них что-то конкретное.

Я непроизвольно кивнул, но в этом не было необходимости. Нойбург не спрашивал – он сразу вынес вердикт.

– Мне снится плоть. Белая, розовая, рыхлая и гладкая. Огромная масса, беспорядочный набор мышц и органов... Она говорит со мной.

– Это нормально – бояться того, чей образ ужасен. Страх бесформенного. Страх утери нашей формы, а через неё и нашего предназначения в огромном механизме Города. Каждый гражданин испытывает эти чувства, и это правильно.

– Но я не только боюсь... Плоть зовёт меня. Манит, шепчет немыслимое, вызывает дурные видения. Я знаю, что это грех, но что я могу сделать? Во сне моя душа слаба.

– Во сне врата нашего разума открыты, это правда.

Пока что разговор шёл хорошо. Голос Нойбурга звучал спокойно, даже немного равнодушно. Наверное, плохой динамик скрадывал все эмоции.

Но теперь предстояло сказать самое важное. Самое опасное. В горле собрался горький ком.

Я откашлялся и тихо проговорил:

– Я боюсь, что эта слабость является признаком того, что я еретик. Что я особенно уязвим именно потому, что уже утратил веру.

– Грех привлекателен, он вызывает острые эмоции. Именно поэтому так опасен Главкон. Разве имел бы он силу, если бы грех был скучен или отвратителен?

– Да, но...

– Перечисли Триединство, Джосайя.

– Серотонин, Адреналин, Дофамин.

– Молодец. Баланс трёх нейромедиаторов дарован нам Машинами Любви и Благодат...

Нойбург прервался на полуслове. Из динамика доносился только треск статики и неясное шуршание – дыхание или, может быть, шорох одежды. Через некоторое время к шуршанию добавилось клочкотание: словно пена, лопающаяся на губах. В порядке ли Старший Исправитель?

Я оглянулся на сестру, но та неподвижно сидела на парапете, закрыв глаза.

Ни одного прохожего вокруг. Слово весь мир замер, сам превратившись в искажённый застывший кадр на экране: залитый светом дневного солнца Город – пустой, тихий, неподвижный. Мёртвый.

– Помни, Джосайя, – наконец ожил Нойбург, – Главкон страшен, но слаб. Он хитёр, но глуп. Его силы дарованы Машинами, ведь их щедрость и милосердие безграничны.

– Настолько безграничны?..

– Конечно. Главкон использует гормональное Триединство против тебя, чтобы ослабить, развратить и соблазнить. Точно так же, как Машины используют Триединство, чтобы вознаградить за труд, укрепить твой дух.

Я задумался. Как обычно, Нойбург произнёс правильные, успокаивающие слова. Маленького Джоза они бы привели в восторг своей сдержанной мудростью и глубиной. Но Джосаие Кавиани, чиновнику Министерства Социального Метаболизма, этих слов было уже недостаточно.

Но всё же... Я нормален. Кошмары нормальны. Этого знания мне достаточно.

– Простится ли мне этот сбой, господин Нойбург? – произнёс я привычную, почти ритуальную фразу.

– Соблюдай умеренность, Джосайя. Цени те эндорфины, что тебе дарованы, и не пытайся получить больше сверх положенного. Я назначаю тебе уменьшение обеденной порции на треть, чтобы очистить душу от возможных искушений.

– Спасибо, Старший Исправитель.

Я отвернулся от экрана, вполне довольный назначенным исправлением. Всё равно кошмары уже давно отбили весь аппетит...

– Постой, Джосайя. Что шепчет тебе плоть? Какие мысли внушает?

Спина покрылась холодным потом. Я медленно повернулся обратно к исповедальне – неясный силуэт Нойбурга всё ещё темнел на экране.

Впервые за долгое время Старший Исправитель проявил конкретный интерес. Задал вопрос вне стандартной программы.

«Бух, бух, бух», – забилося сердце о рёбра: медленно, глухо и вязко. Нойбург помогал мне всю жизнь, говорил со мной тогда, когда все другие отказывались. Только у него хватало терпения слушать мои рассуждения о числах, мои жалобы на Старших, мои мечты, желания и планы.

Но одно его решение может отправить меня в Храм Нежной Смерти. Я могу быть признан Неисправимым, сломанной деталью, отбраковкой.

Я не могу рассказать ему о моих исследованиях. О том, что я верю во внешнее снабжение Города оттуда, сверху, где Машины Любви и Благодати построили фермы и сады под Чистым Небом и Ярким Солнцем, но держат нас в неведении по своим, непознаваемым причинам.

Я не могу сказать Нойбургу, что начал сомневаться в разумном замысле Машин. Не может быть разумным демиург, который одобряет и разрешает деятельность таких людей, как Гален.

– Мне снится солнце... – осторожно ответил я, – бег по траве, шум листвы. Снится, что небо зовёт нас обратно к себе.

– В нас всех живёт тоска по утраченному. Не забывай, Фиолетовая Смерть никогда больше не выпустит нас наружу.

Впервые в голосе Нойбурга сквозь статику прорезались эмоции. Тень на экране дёрнулась от помех – словно ожила на мгновение.

– Ступай к новым свершениям с лёгкой душой, Джосайя.

Зелёный прямоугольник экрана погас.

Мокрая от пота рубашка липла к спине. Воздух неприятно охлаждал тело, проникая под куртку на ходу. Я передёрнулся и вжал голову в плечи.

Бригитта же как будто сама излила душу исповеднику – она явно повеселела и теперь вышагивала рядом со мной.

– Ну что, святоша, получил порцию наставлений?

Я молча кивнул.

– Ну и слава Франку. А то я уже уснуть успела.

– Врёшь.

– Хочешь уровень мелатонина у меня измерить?

– Он разрушается от солнечного света.

– Да тут этого света-то нет!..

Она продолжала говорить и говорить что-то: про работу, про своих подруг, заинтересованных в знакомстве с молодым чиновником, про вчерашний суп и снова про работу. Беззлобные подколки и сплетни слились в белый шум, накатывающий на меня ровными и пологими волнами. Мало-помалу они смыли с поверхности мозга липкую пелену страха.

Я согрелся от быстрой ходьбы и даже расстегнул куртку. Лучше выбросить разговор с Нойбургом из головы поскорее. Я получил тот ответ, который хотел услышать.

– Слушай, Бридж!.. Бридж!

– ...ну я ему и сказала... Что?

– Ты слушаешь?

– Да, говори уже.

– Куда в Городе можно сходить на с-с...

– С-с-собеседование?

Бридж хитро улыбнулась и пихнула меня локтём в бок так сильно, что я пошатнулся.

– Чтобы с-собеседование прошло удачно, – продолжила она, – нужно какое-то особенное место.

– Вот-вот. Я даже и не знаю, что тут...

– Сходи с ней в парк.

– С кем? Куда?

Бридж смерила меня таким взглядом, что я решил больше не отпираться. В конце концов, уж сестра-то может знать, с кем я общаюсь и почему.

Я недовольно буркнул:

– Ладно, ладно. Не знал, что в Городе есть парк. Это же что-то с деревьями, да? Откуда они здесь?

– Никаких деревьев. Это сложно объяснить. Ты сам всё увидишь.

– И где он находится?

– В одном из зданий Сектора Запад. Я тебе пришлю карту – ты только напomini, а то забуду.

– Парк в здании?

– В подвале. Я же сказала, ты сам всё увидишь.

– Ладно...

– Даже если она там уже бывала, всё равно сходите. По крайней мере, в парке вам никто не помешает.

Бридж снова попыталась проткнуть меня локтём, но на этот раз я был готов и смог увернуться.

– Спасибо. Наверное.

– С тебя пиво.

– А сейчас-то мы куда идём? Управление Горных Дел совсем в другой стороне.

– У меня сегодня смена вообще-то, господин беззаботный чиновник.

С этими словами Бридж указала в сторону и вверх. Я посмотрел в указанном направлении – потом перевёл взгляд выше... и ещё выше.

Прямо под небесами ползла маленькая клетушка – словно пятнышко грязи, приставшее к стеклу купола. Её перечёркивал крест. Линии креста казались нитями тоньше волоса; на самом деле это толстые стальные канаты, перетягивающие клетку с работником с места на место.словно огромный принтер, таскающий печатающую головку над рабочим столом, только перевёрнутый вверх ногами.

Я покрутил головой, пытаясь представить, что это не монтажная люлька висит под гигантским потолком неба, а лодка плывёт по поверхности рукотворного моря. исполинские гексагоны мерцали светло-зелёными лучами невидимого и недоступного солнца – словно по небуморю прокатывался неторопливый прилив.

Лодка медленно тронулась с места. Наверное, рыбак увидел добычу – кракена или, может быть, морского дракона...

Из-за спины послышался сдавленный вскрик Бридж.

Одна из линий креста разделилась на две; лопнул тонкий натянутый волосок. Медленно, с мучительной ленцией лодка отделилась от неба и поплыла по воздуху – всё дальше и дальше, набирая скорость, словно радуясь своему освобождению.

Я повернул картинку в голове ещё раз и похолодел.

– Джейми!.. Главкон его дери, там Джейми!

Я с трудом опустил взгляд и уставился на Бридж. Та дёрнулась на месте, не зная, куда бежать – к месту падения люльки или назад, в Управление.

– Джейми?.. – одурело спросил я.

– Это моя смена! Джейми подменил меня, там должна была быть я!

Впервые в жизни я увидел в глазах сестры слёзы.

Люлька скрылась за домами далеко впереди – бесшумно и тихо, как будто исчезла без следа. И от этой несправедливой, неуместной тишины стало только страшнее.

Глава 5

Хлеб насущный

«Приглашение на торжественную утилизацию в Храм Нежной Смерти».

Я перечитывал заголовок письма на экране рабочего терминала снова и снова.

«Приглашение на торжественную...»

Бридж зачем-то позвала и меня. Я совсем не знал этого Джейми. Может быть, видел его лицо один или два раза, когда заходил к сестре на работу. Обычный человек, такой же, как мы все.

«...на торжественную утилизацию...»

Все мы получим свою церемонию в то время, которое нам назначили Машины Любви и Благодати – не раньше и не позже. Значит ли это, что Машины обрубili трос монтажной люльки? Чем же им не угодил Джейми?

Может быть, он начал сомневаться в их любви и благодатности.

Я перечитал заголовок приглашения ещё раз, чтобы убедиться. Нет, гнездящееся в груди чувство никуда не исчезло. Подлая радость, мерзкое облегчение. Моя сестра жива, а он нет. Моя сестра жива, потому что я потащил её к исповеднику.

Иррационально, глупо – но душу наполнили гормоны счастья. Наверное, именно так соблазняет душу и тело Главкон. Незаметно, неотличимо от работы Машин, потому что чувства одни и те же. А как раз в чувствах я и не разбираюсь.

Наверное, Бридж хочет, чтобы я её поддержал; зайду к ней вечером. А сейчас нужно работать.

Я снова пробежался глазами по тексту, ожидая, что вот-вот в голове появится какая-то достойная, значимая мысль. Важные слова прощания и сожаления.

В конце приглашения обнаружился купон на бесплатные соевые галеты.

В коридоре слышались торопливые шаги – другие подвальные обитатели, мои товарищи по несчастью, спешили в столовую. Я знал имена одного или двух из них; у остальных не помнил даже лиц.

Иногда казалось, что коридор на самом деле пуст – только кланк бегаёт по пустому холлу туда-сюда с парой тувель на палках и отчаянно лупит ими по полу, силясь изобразить толпу.

Я мог бы выглянуть за дверь. Мог убедиться в существовании коллег сам. Но что я буду делать, если кто-то из них пригласит меня пойти на обед – из простой обывательской вежливости?

Даже с учётом расширенного меню, недоступного простым гражданам, вид министерской столовой не возбуждал аппетит. Особенно теперь, после удивительного свидания в крошечном металлическом ресторане. Но и в «Железный Темпл» ходить просто так не хотелось. Теперь это особенное место, наше с ней место; казалось, что лишнее посещение может разрушить волшебство, исчерпать запас хранящихся там эндорфинов.

Остаётся только сидеть в кабинете и голодать. Кухонного раздатчика тут нет – купон на соевые галеты удастся потратить только дома. К счастью, Старший Исправитель Нойбург как раз назначил...

От двери раздался треск.

Я испуганно уставился на пролом в пластике. В трещине виднелся куст непокорных вьющихся волос.

– Джоз, почему у тебя такая позорная дверь? – слышался голос Галена. – Размести позицию на новую дверь в бюджет Министерства на следующий год. Уж это-то ты можешь сделать сам, без приказа, верно?

– Но бюджет утверждает сам Министр Социального Метаболизма.

– Утверждает, а не читает. Мы составляем. Он утверждает.

Гален с приглушёнными ругательствами проскрипел дверь по полу и прикрыл её за собой; после чего стукнул кулаком по трещине, вправляя выломанный кусок обратно.

– Составляем, утверждает... А кто тогда читает? – спросил я.

– Ага, – довольно сказал Гален, – я смотрю, ты умнеешь. Начал задавать правильные вопросы. Вот кто читает, у того в руках и власть. Кстати, о власти...

Он подошёл и попытался отпихнуть меня от терминала, но кресло без колёсиков только проскрипело ржавыми ножками по бетону. В ответ на его возмущённо-ошеломлённый взгляд я только пожал плечами, после чего встал и отошёл в сторону.

Гален выдал быструю дробь по клавиатуре, ругнувшись, когда палец попал по оголённому переключателю на месте отсутствующей клавиши.

– Джоз, и что это такое? – он ткнул пальцем в экран.

Я прищурился из-за его спины:

– Мой отчёт... Дизайнеры распотрошили грант. Нецелевое использование средств.

– И что же я должен с этим делать?

– Но я же написал...

– Да, написал, – Гален выпрямился, приложил руку к груди и зачитал тонким голосом. – Привлечь к расследованию Департамент Заботы и Защиты. Задержать и наказать всех виновных!

– Ну, там не совсем так написано...

– Отправить всех виновных в утилизатор немедленно!

– Вот этого там точно нет.

– Подпись – Джосайя Кавиани. Верно?

Я промолчал. Начальника отдела экономической симуляции явно понесло; чем больше я буду ему возражать, тем больше он будет драматизировать.

Увидев моё смирение, Гален успокоился и сам. Он сел в уступленное мной кресло, снова попытался его подвинуть и передёрнулся от скрипа.

– Джоз, я спустился лично, своим драгоценным телом, в ваш отстойник, потому что хочу поговорить с тобой. Без лишних следов.

– Следов?

Вместо ответа Гален ткнул пальцем в терминал.

– Мы начали говорить о власти, верно? – продолжил он. – Власть – это контроль. Вот тебе пример. Контроль над этим терминалом не у тебя. И не у меня. Он у МАРКов.

– Министерства Алгоритмической Регуляции...

– ...и Кода, да-да, бла-бла-бла, ты прекрасно знаешь, кто они. И я знаю, именно поэтому я не доверяю ни одному терминалу в этом проклятом Главконом Городе.

– Но у этого терминала есть микрофон.

Гален недовольно уставился на меня. Медленно, в полной тишине протянул руку и щёлкнул кнопкой выключения терминала. После чего продолжил, как будто и не прерывался:

– Контроль над этим Городом у тех, у кого в руках дубинки. А дубинки кланков слушаются только приказов Столпа Смерти.

– Министерства Демографии?

Я передёрнулся. Именно сегодня, в день торжественной утилизации Джейми, народное прозвище Министерства Демографии звучало особенно оскорбительно.

– Но кланки буквально работают нашими охранниками... – начал я и тут же прервался, осознав двусмысленность фразы.

– Ага, – довольно сказал Гален. – Умнеешь на глазах. Лучше питаться начал? Вот и думай головой, кого они охраняют и почему.

– Но почему? Почему всё обстоит именно так? Разве не должны Машины вмешаться, чтобы исправить несправедливость?

– Что-то я не помню, чтобы они звались Машинами Справедливости и Равенства, верно?

– Любовь и благодать сияют для всех в равной мере, заменяя утраченное Солнце... – пробормотал я, уже зная, что мои слова не будут услышаны.

– Мы не можем щелчком пальцев призвать Департамент Заботы и Защиты, чтобы прижать каких-то наглых дизайнеров, – Гален демонстративно пощёлкал пальцами в воздухе, с чисто бюрократической предсказуемостью пропустив мои слова мимо ушей.

– А что мы тогда вообще можем?

– То же, что и обычно. Создадим комиссию по расследованию растраты. Наберём комитет ответственных и уважаемых дизайнеров, которые будут надзирать над своим сообществом. Выпишем грант этому комитету. Потребуем отчёт. Столько работы, столько работы!..

– Но всё это бесполезно. Бессмысленно! Без кланков мы ничего не добьёмся, это просто симуляция деятельности...

– Вот именно, Джоз. Вот именно. Министерства играют во все эти комитеты, ассамблеи, консилиумы и конклавы, потому что хотят оставаться внутри круга линий на песке.

Гален вздохнул и замолчал.

Ссутулившийся и смотрящий в пол, теперь он показался ещё более маленьким, чем обычно. Как будто через эту беседу из него вышла вся энергия, вытекла и впиталась в пористый бетон пола.

Я осторожно опёрся бедром на тощий и прогибающийся стол, не зная, куда деться и что сказать. Должен ли я посочувствовать? Или броситься исполнять приказ, организовывать комиссии и собрания?

– Но возрадуйся, Джосайя! – воскликнул Гален, внезапно встrepенувшись и подняв голову. – Ибо мы идём на обеденный перерыв!

Я глянул на часы:

– Но обеденный перерыв давно закончился.

– Вот тут ты ошибаешься. Он только начинается. Надевай свои лучшие ботинки, потому что нас пригласил на обед сам Фудзиро Ода. А обед Министра длится до самого вечера.

– Но мои лучшие ботинки остались дома... Я не ношу сменную обувь.

– Это шутка. Всё, вставай и пошли.

«Но я уже стою», – хотел было ответить я. Но сдержался, вместо этого отправившись расклинивать щербатую дверь. Может быть, Гален прав – я действительно умнею.

Или, по крайней мере, начинаю понимать, как работают Министерства на самом деле.

Восхождение по лестничным пролётам казалось бесконечным. Мы давно миновали кабинет Галена и теперь поднимались мимо этажей, похожих друг на друга, словно они крутились в цикле. Звук шагов отражался от бетонных стен и ступеней, преломлялся десятки раз и возвращался со всех сторон разом. Казалось, что он идёт сверху и снизу одновременно; стоит только ускорить шаг, и удастся увидеть собственные пятки, шагающие на один цикл выше.

На одном из этажей я не выдержал и вышел с лестницы в атриум, чтобы убедиться, что не сплю.

– Не теряй времени, – буркнул запыхавшийся Гален. – Мы... пф-ф, почти пришли.

Я окинул взглядом пустой коридор и на прощание подёргал ручку двери ближайшего кабинета. Заперто. Ни таблички, ни номера.

Возможно, именно здесь зарегистрирована чья-нибудь «Ответственная комиссия по расследованию нецелевого расходования средств». Для комитетов и общественных организаций всех сортов тут места точно хватает.

Через несколько этажей-близнецов Гален неожиданно и без предупреждения свернул с лестницы в коридор. Он подошёл к двери, внешне ничем не отличающейся от всех остальных, и осторожно постучал.

Как он пришёл именно сюда? Неужели он считал этажи и двери про себя?

Но спросить Галена я не успел. Он распахнул дверь, и я увидел то, чего не видел ни разу в жизни. Скатерть.

Кажется, именно так должна называться простыня, лежащая на столе – если это можно называть столом. Длинная, уставленная посудой поверхность рассекала пополам всю комнату, почти не оставляя пространства для того, чтобы перейти на другую сторону.

Никаких окон-экранов, никаких архивных записей Неба и Солнца. С обеих сторон стол упирался в огромные зеркала, которые зацикливали и распространяли желтоватую плоскость скатерти в бесконечность, размножая наполненные едой блюда снова и снова.

Заворожённый невероятным зрелищем, я не сразу обратил внимание на хозяина кабинета. Тот гнезвился в кресле по ту сторону стола – невысокий и худой до измождения, он терялся на фоне поблёскивающего великолепия гор посуды. Посреди тарелок и блюд потертанно торчал рабочий терминал – гораздо более ухоженный и мощный, чем мой. Здесь он служил в качестве подставки для соусницы.

– Сулайман... – внезапно раздалось из-за стола, – ты не торопился. Я х-х... успел проголодаться.

– Господин Ода, подняться из подвала к Вам нелегко, верно?

Гален подбежал к столу трусцой, на цыпочках, чуть ли не кланяясь на ходу. Несмотря на веющую от него подобострастность, он тут же уселся на скамью, не дожидаясь приглашения, после чего обернулся и яростно замахал мне рукой. На его лице сияла искренняя, противоречащая всему его поведению улыбка.

– Кавиани... – проговорил министр Ода, вытирая капельку пота над бровью. – Наслышан. Х-х... Ты хороший работник. Можешь звать меня просто Фудзиро. Сулайману я... х-х, сказал то же самое когда-то. Но он упрям.

Я осторожно присел за стол. Гален уже что-то бодро жевал, но всё же смог осиять меня своей улыбкой. Пристальный и холодный взгляд над этой улыбкой ясно говорил: «Не вздумай называть министра по имени».

Землисто-серое и рыхлое лицо министра исказила гримаса: крупные, тупые зубы обнажились в подобии улыбки. Даже клыки казались плоскими пеньками, словно сточенными напильником.

Каре гладких и блестящих волос обрамляло эту улыбку чёрной рамочкой. Всё лицо Фудзиро казалось пористым и постоянно потеющим портретом в рамке, подвешенным на спинке огромного кожаного кресла. Тощая бледная шея с огромным кадыком выпадала из этой рамки и скрывалась в складках мешковатого костюма.

– Сулайман, предложи своему служащему... х-х, поесть, – проговорил министр. Каждые несколько слов он прерывался и выпускал воздух, словно проколотый шарик.

Я оглядел стол и с ужасом осознал невероятное. Все блюда, все кастрюльки, тарелки и доски были заполнены синтемсом.

Жареное, варёное, копчёное, провёрнутое, солёное и обёрнутое водорослями... Красное, коричневое, почти чёрное, с жёлтыми и белыми прожилками. Невероятная редкость и оглушительная роскошь по меркам Города.

Ноздри залепил оскорбительно аппетитный смрад: маслянистый и тяжёлый запах словно затекал в пазухи, покрывая нос изнутри тонкой жирной плёнкой.

Горло сдавил комок тошноты.

– Не бойся, Кавиани!.. – сказал Фудзиро Ода, показав зубы ещё раз. – Это же мясо... Х-х, мясо! Источник силы. Будешь много есть и будешь сильным.

Словно решив показать пример, он подхватил палочками с тарелки длинную ленту чего-то жареного, осторожно сжал её зубами и принялся хрустеть, тщательно пережёвывая каждое волоконец. Судя по немедленно проступившей на лице испарине, сам министр к источнику силы прикладывался редко.

Во рту скопилась горькая слюна отвращения. Я сам не заметил, как принялся вытирать пот с лица, как будто повторяя жесты министра.

– Это бесплатно, – добавил Гален, сопроводив свои слова лёгким пинком в щиколотку. Как будто меня волновала стоимость этого застолья...

К моему же собственному изумлению и возмущению, желудок издал голодное урчание. Кислая желчь во рту сменилась на слюну голода.

В конце концов, я сегодня так и не пообедал.

Я взял в руки вилку с ножом и осторожно придвинул к себе ближайшую тарелку. На ней исходил паром небольшой мясной отруб, посыпанный разноцветными крупинками пищевой добавки. Трудно поверить, что такое можно вырастить в пробирке из клеточной культуры.

– Ты хороший работник, Кавиани, – довольно повторил министр Ода.

Внезапно он встал с кресла и принялся прохаживаться по ту сторону стола. Форменный костюм чиновника обвис на нём, как на искривлённой, сутулой швабре; объём удерживали только ажурные косточки высокого воротника.

Как можно быть таким худым, питаюсь мясом?

– Ты молчаливый, исполнительный... – продолжил Ода, – х-х, выполняешь всю работу, которую тебе дают.

Из-под ножа потёк мясной сок.

– Но все чиновники выполняют ту работу, которую им дают, разве нет? – с недоумением спросил я, продолжая пилить жаркое. – Все в меру своих сил исполняют роль, назначенную Машинами.

Сбоку раздался смешок Галена.

Министр не обратил на смех внимания:

– Ты хорошо отслеживаешь растраты, х-х. Выслеживаешь людей.

– Люди, я не очень... Я отслеживаю числа.

– Люди и есть числа.

Равнодушие, с которым Фудзиро обронил эту фразу, вызвало холодок по коже. Я не нашёлся, что ответить, и вместо этого осторожно откусил кусочек жаркого с вилки; мясо тут же провалилось в пустой желудок.

– Х-х... Возможно, тебе стоило бы работать в Департаменте.

– Нет, спасибо, – решительно ответил я.

В этот раз над ответом размышлять не пришлось. Много кем я представлял себя в будущем, когда был Младшим. Но никогда мне не хотелось натянуть полимерную броню. Даже когда я получал пинки от более физически развитых братьев.

– Предположения министра не отвергаются так просто... – начал было Гален своим типичным раздражённо-торопливым тоном недовольного начальника.

– Сулайман.

Ода лениво выдохнул одно слово – почти неслышно, мимоходом, как будто напомнил сам себе имя своего служащего. Но Гален тут же заткнулся, подавившись словами, словно его дёрнули за воротник. Ничуть не смутившись, он незамедлительно выдал ещё одну улыбку и принялся увлечённо поедать лежащую перед ним котлетку.

Несколько секунд Ода молча набирал воздух в грудь, как будто все запасы уже исчерпались из-за беседы.

– Уф-х... В Департаменте Заботы и Защиты тоже нужны люди, которые умеют считать.

– Считать рёбра дубинкой, – снова встрял Гален.

– Штрафы, х-х... Сроки наказаний. И поощрений, конечно же. Наше министерство тесно с ними сотрудничает.

Я искоса глянул на Галена; тот молча ковырялся в очередной котлете, как будто полностью утратив интерес к разговору. Забавно. Ещё полчаса назад я слышал совершенно противоположную информацию.

Внезапно меня переполнил гнев.

– Со всем уважением, – неуважительно произнёс я, – но для подсчёта штрафов и сроков наказаний достаточно человека с пальцами на руках. Я математик, а не наставник группы Младших, делящих два яблока на троих.

Фудзиро Ода незамедлительно рассмеялся – как будто только и ждал этих слов. Его неожиданно басовитый и громкий смех длился и длился, пока министр не закашлялся, пытаясь втянуть воздух в лёгкие.

– Слышал, Сулайман?.. – наконец вдохнув, спросил он. – Мальчик хочет считать! Он математик!

Министр неожиданно повернулся ко мне и рявкнул:

– Ешь мясо!..

Я вздрогнул и торопливо пихнул в рот ещё кусок. Увидев это, Ода немного успокоился.

– Молодец. Сообразительный, исполнительный и молчаливый. Такие люди сейчас редкость.

Министр отвернулся к зеркалу и принялся что-то высматривать, словно оно было окном; но видел он лишь себя.

– Город полон дерьма, – продолжил он, – а люди едят и едят, словно хотят переполнить его и приподнять крышку. Покупают, потребляют, крутятся в колесе, которое мы для них создали.

– Машины... – осмелился сказать я.

– Что?

– Машины создали.

– Ха. Нет, Кавиани, так любить числа могут лишь люди. Уж тебе ли не знать. Только люди могут сделать количество сабкойнов на счету смыслом своего существования. Вопреки своему имени, Машины не могут любить. Это прерогатива человека.

Вместе с этими словами Ода словно утратил внезапный заряд энергии, переполнявшей его несколько секунд назад. Он снова повернулся ко мне и ткнул пальцем в тарелки на столе:

– Уф-х... Мясо... Придаёт сил. Они нам, х-х... понадобятся.

Он уселся обратно в кресло и обмяк, превратившись обратно в портрет, висящий над кучкой смятой одежды в слишком большом кресле.

Кто-то ущипнул меня за локоть; я резко обернулся. Гален уже стоял у двери, яростно строя гримасы и кивая головой.

Мы вывалились в коридор. Дверь за спиной тихо щёлкнула замком, слившись с сотней точно таких же дверей в точно таких же коридорах.

– Кажется, всё прошло удачно, – тихо, но довольно сказал Гален. Его губы лоснились от жира.

– Но что именно произошло?

– Знаешь, что значит, когда тебя хвалят за твою молчаливость? – как обычно, он полностью проигнорировал мой вопрос. – Это значит, что тебе не стоит болтать об услышанном или увиденном.

Я решил последовать его словам – весь путь обратно к уровню земли прошёл в полном молчании.

Сегодня воздух особенно душен. Я вышел из дверей Столпа почти бегом; но привычная воображаемая свежесть открытого пространства в этот раз не хлестнула меня ветром в лицо. Вместо неё Город по самое небо наполнил лёгкий туман – словно все жители разом выдохнули от облегчения, узнав, что им не нужно обедать с Фудзиро Одой.

Сломались фильтры оксидизаторов? Все разом? Нет, Машины этого не допустят. Опять их психологические игры. Имитация погоды, которой мы больше никогда не увидим.

Не увидим, если только не выберемся на поверхность.

Я постоял на месте, задрал голову. Светло-зелёное небо сегодня казалось мутным – наверное, покрылось конденсатом. Ночью похолодает, испарина на куполе соберётся в крупные капли и выпадет дождём прямо нам на головы. Такое невероятное событие должно быть всеобщим праздником, официальным выходным с обязательным сбором на площади...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.